

Безголовое дитё

Светлана Семёнова

Светлана Семёнова

Безголовое дитё

«Автор»

2023

Семёнова С. Г.

Безголовое дитё / С. Г. Семёнова — «Автор», 2023

Тяжелая жизнь ребенка в послевоенное время. Воспоминания,
автобиография.

© Семёнова С. Г., 2023

© Автор, 2023

Светлана Семёнова

Безголовое дитё

БЕЗГОЛОВЕ ДИТЁ

...Я, совсем ещё маленькая девочка, лет четырёх, сижу на низкой кровати. Серый предутренний полумрак едва освещает предметы убогой комнатухи. Голые ножки привычно ощущают сырость холодного пола. А на моих коленках лежит моя стриженная голова. Грязным указательным пальчиком с обгрызенным ногтем, вожу по едва отросшим, колючим волосикам и с любопытством разглядываю своё лицо..., обращённое ко мне. Пальчик соскальзывает на лоб, гладит брови.

«Это мои бговья», – картавлю я.

«А это мои глазки» – тихонько бормочу и пытаюсь оттянуть веко. Оно не поддаётся.

«А это мой кугносый носик».

Нажимаю кончик носа, словно кнопку.

«А это мои губки, за губками готик».

Пытаюсь просунуть пальчик между крепко стиснутыми губами.

«Готик хочет кушатки? Ой!»

Рот приоткрылся, зубы разомкнулись и слегка прикусили пальчик. Громко вскрикиваю и сбрасываю голову с колен на пол. Она с глухим звуком брякается об пол и катится под стол.

«Ой! А чем я тогда её вижу, если она там валяется? Глазки же в головке!»

Каким-то, непостижимым для ребёнка, несуществующим в реальности взглядом, всматриваюсь в полумрак сырой холодной комнаты. Пространство комнаты медленно расширяется во все стороны. Что-то едва осязаемое обволакивает моё тело и тянет вверх под потолок. Потолок мягко расступается и пропускает меня в чёрную бездну неба. Пытаюсь кричать, но звук моего голоса застревает в горле. Тогда я тихо и жалобно *кого-то* прошу:

«Отпусти. Бо без головки Бабуня заругает! Опять скажет, шо я безголовое дитё».

Сон или галлюцинация резко обрывается. Запах сырости и сладкого тлена возвращает меня в реальность.

До сих пор помню, как пугало меня это, часто повторяющееся, кошмарное сновидение. Помню даже, как потом привыкла к нему. И когда моя голова скатывалась под стол, мелькала утешительная мысль – «ничего, это уже было, но потом же головка встала на место».

Боюсь полумрака. Полумрак это тревога. Преддверие. Из полумрака выглядывает моё детство. И тогда всё окружающее меня – предметы, звуки, даже запахи становятся нереальными, обретают неразборчиво-ватную вязь и куда-то исчезают. Закрываю глаза, пытаюсь опустить заслонку перед движущейся на меня волной воспоминаний из глубины *далёкого* детства. Но какая-то, неуловимая тревога и непонятная обида не дают мне никакой возможности отторгнуть всё то, что прочно засело в моей памяти. Память вдруг становится живой сущностью; набухает, расширяется, наполняясь новыми подробностями, о которых я *никогда* не вспоминала, и *показывает отдельные картинки*, будто вкрапления в общую картину моего детства. Эти картинки лезут и лезут из всех уголков подсознания, из всех щелей его. Зачем всё это сохранилось в тех почти замурованных временем углах и щелях? Неужели это я была тем маленьким существом, которое *тогда* по утрам просыпалось от жутких кошмаров, дрожало от наваждений, от одиночества?

Мама после окончания одесской консерватории по классу вокала стала артисткой одесского «Театра миниатюр». Там познакомилась с моим отцом. Это было в 1939 году. А в марте 1940-го родилась я. Когда мне исполнился год и три месяца, мои родители уехали на летние гастроли в город Кировоград. Мы с Бабуней остались в Одессе одни. И тут грянула война.

Она застала моих родителей в маленьком городке Знаменка, куда они поехали на выездной спектакль из Кировограда. Оттуда, как говорится «в чём стояли» их срочно эвакуировали в Среднюю Азию.

"Мамочка наш театр эвакуируют эшелонам в среднюю азию тчк надеемся война скоро закончится тчк мы опять будем вместе тчк береги Ветуню подробности письмом целуем Лида Жорж"

Эту телеграмму Бабуня хранила всю жизнь. Натыкаясь на неё в моём архиве, когда раз в пять, а то и в шесть лет, освобождая его от пришедших в негодность бумаг, я трогаю пальцами шершавую поверхность довоенного серого клочка бумаги, с приклеенными белыми ленточками текста, и трепетно укладываю его обратно в дряхлый конверт.

Пытаюсь представить себе, как в том возрасте, который я давно перешагнула, моя Бабуня с годовалой внучкой, то есть со мной, осталась в Одессе, оккупированной в самом начале войны фашистами.

Глубоко, на самом доньшке памяти, шевелятся смутные видения, переплетаются в неуловимой последовательности, прерываются какими-то ассоциациями и вновь всплывают, чтоб... настойчиво заявить о себе.

Пробелы памяти заполняю фантазией, воображением. И я верю своему воображению. Из чего-то же во мне оно рождается... Не из воздуха же... Я уверена, что *моё* воображение – это спящая до поры до времени в подкорке память, которую вдруг разбудила какая-то мимолётная ассоциация. Время что ли пришло? Отстранённо, будто не про себя, вспоминаю четырёх-летнюю малышку Ветуню. Бабуня же всегда остаётся на своём реальном месте. Все эпизоды, выплывающие из далёкого детства, происходили на самом деле. А вот диалоги и монологи придумываю, исходя из характеров, способов мышления, произношения слов, интонаций, построения фраз... Кажется, разбуди меня среди ночи и спроси, как Бабуня общалась с соседками в одесском дворе, и моя фантазия тут же сочинит диалог, который в реальности мог происходить только между моей Бабуней и, допустим, мадам Ицикович...

УТРО ВЕТУНИ

В полумраке холодной комнаты вижу маленькую девочку, на лысо стриженную неровной лесенкой, лежащую на узкой кровати под ватным одеялом. Вот она широко открывает глаза и вглядывается в потолок. Если там, на высоком потолке уже виден овал неправильной формы, похожий на косую решётку, значит, уже наступило утро. Если овала нет, значит ещё ночь. Овал появился однажды ночью. С потолка упал тяжёлый кусок штукатурки прямо на ватное одеяло, под которым, укрывшись с головой от сырости и холода, прижавшись друг к другу, спали Ветуня с Бабуней. С тех пор Ветуня, проснувшись, прежде всего, смотрит на потолок. Сейчас овал тонет в полумраке. Девочка обиженно сжимает губки. Тревога и обида – Бабуня опять куда-то пропала. Девочка с надеждой шарит ручкой по опустевшей кровати. Но место, где рядом спала Бабуня, успело остыть, и страх одиночества охватывает худенькое тельце. Зажмурилась и натянула одеяло на голову. Некоторое время она боится открыть глаза, так как в комнате этот жуткий полумрак, сообщающий предметам неуловимое движение. Ей всё это уже знакомо... Приоткрой глаза, и слегка шевельнётся скатерть. Под столом прячется злое «сашество» – так её Бабуня произносила слово существо. Оно терпеливо ждёт, когда девочка обнаружит себя. «Меня здесь нет, я ушла с Бабуней», – мысленно внушает Ветуня «сашеству», притаившемуся под столом. Но сердце стучит так громко, что «сашество» уже догадалось о присутствии Ветуни, и она с замиранием в животе, ещё сильнее натягивает одеяло на голову. Сердце остановилось на мгновение и до слуха Ветуни долетают жёсткие удары молотка по железу. Сначала редкие, потом учащающиеся и приближающиеся. И вот уже они совсем рядом, тут, в коридоре. Что это? Кому понадобилось хозяйничать в их коридоре? Любопытство и ужас. Девочка тихонько выскальзывает из-под одеяла и через кухню пробирается в коридор.

Из-за темноты её движения осторожны и замедленны. Ветуня на цыпочках преодолела кухню и, остановившись на пороге коридора, замирает от ужаса. Прямо перед ней на фоне окна, в предрассветном полумраке два силуэта в военной форме вбивают молотком в пол коридора высокие железные колы. Её сердце стучит так же громко, как молотки этих страшных пришельцев. "Р-румыны" – шепчет Ветуня, чётко выговаривая букву р-р. «Может это сон такой, Бабуня сказала, что дети во сне не картавят» – она прижалась спиной к двери и крепко ущипнула себя за щёчку. Видение не исчезло, и девочка замерла от страха. Колы торчат поперёк коридора. Появляется третья фигура с мотком колючей проволоки, и, кряхтя, начинает обматывать торчащие из пола колы. Постепенно образовалась изгородь и перекрыла выход из коридора во двор. Вдруг резкий собачий визг и жалобный лай. Жулик, махонький Ветунин песик! Что же будет с ним, дорогим рыжим дружком, живущим под её крыльцом? Он визжит, надрывается, зовет на помощь. Но дороги нет! И... темнота.

– Веточка, Ветуня, шо с тобой? – мягкая Бабунина грудь принимает ребёнка в своё лоно. Спасена!

– Бабуня, золотко моё, де ж ты була, як ты вошла? «Немецкие гумыны» опять пгиходили, опять вбили колы, замотали калидог пговолокой, – всхлипывает девочка, – А там под столом сидит «сашество», подглядывает и хочет скушать меня. Не кидай меня больше в хате одну, – Ветуня горько плачет, дёргает Бабунину юбку.

– Тише, успокойся. Румины усе спять. И нэ кажи юрынды, сашество удрало, бо я помыла пол под столом, – говорит Бабуня, поднимая скатерть, – Дывись, пусто, – и ласково гладит Ветуню по головке. – Я ж принесла тебе сахару та гороху. Я больше никуды не пойду. Зараз снідать будэмо.

Ветуня спускается с Бабуниных колен. В комнате светло, хотя окно их коморки выходит на лестницу парадной. Через огромное окно парадной уже проглядывает утреннее солнышко и отдаёт часть света и их жилищу. Свет разноцветными бликами украшает стены, пол и некоторые предметы комнаты. Это высокое и длинное окно вдоль всей мраморной лестницы, ведущей на второй этаж, до войны было прекрасным витражом из цветных стёкол. От бомбёжек некоторые стёкла выпали, но большинство уцелело. Когда Бабуня с Ветуней вышли из катакомб, то долго искали себе жильё в полупустом доме №35, на Преображенской улице. И вот приютились здесь, в убогой коморке, в которую едва проникает дневной свет. Наверно Бабуня выбрала её в солнечный день, когда разноцветные блики отражались на стенах.

– Тут будэмо жить, – сказала Бабуня. – Когда кончится война и вернутся вакуированные, бог дасть сюды нихто нэ захочить, нихто нас отсюдова нэ выгонить.

Бабуня каждый день, а то и ночами уходила на "промыслы". Бегала по всем развалкам и помойкам в поисках какой-нибудь еды. В эту ночь она с соседкой проникла на разрушенную кондитерскую фабрику. Там мужики разрыли подвал, в котором обнаружили мешки с сахаром и горохом. У Бабуни было много разных торбочек. Она их нашла из старых простыней и юбок, найденных в пустых, полуразрушенных домах. Однажды ей очень повезло. В одной из брошенных квартир, среди пыльного хлама, Бабуня раскопала швейную машинку "Зингер" и притащила домой. Кто-то не решился тащить такую тяжесть с собой в эвакуацию. Машинка оказалась в рабочем состоянии. С тех пор женщины нашего двора то и дело приносили Бабуне заказы.

– Мадам Тимош, подрубите мне эту юбку, пожалуйста, бо она уже вся обпорхалась по подолу. А если обрезать ганзуляки, та подстрочить на вашей машинке, то я ещё поношу её подольше. За мной не встанет, – просила тётя Рива с третьего этажа.

Бабуня никому не отказывала. Тем более каждый заказчик в благодарность что-нибудь приносил из еды. В свободное от поисков пищи время, Бабуня строчила на машинке.

ГОРОХ

Ветуня с опаской крадётся через кухню, выглядывает в коридор. На табуретке, как два поросёнка, лежат торбочки с горохом и сахаром. Коридор пуст. Никаких кольев, никакой проволоки. Она улыбается и медленно идёт через коридор, тщательно осматривая пол. Никаких следов. Приснилось ей что ли... Позже, когда Ветуня вновь обрела маму, Бабуня рассказывала ей, что у девочки часто бывали галлюцинации. Это наваждение с «руминами» являлось Ветуне часто, даже после войны.

А сейчас – радость и покой! Бабуня дома! Она сварит гороховый суп! Ветуня пальчиком тычет в торбочку с горохом.

...Ещё одно воспоминание, вырванное из полумрака... Ветуня дёргает дверь, ведущую во двор, но она заперта снаружи на огромный замок. Замок гремит, но дверь не открывается. А во дворе играют дети в жмурки. Они бегают, смеются, кричат. Ветуня тоже хочет играть, но Бабуня опять куда-то ушла и закрыла её снаружи на замок. По обе стороны двери большие окна, и не будь они обвиты со двора густым диким виноградом, можно бы смотреть в них и хоть как-то участвовать в играх её друзей. Ветуня дёргает дверь, но большой гремящий замок не даёт двери открыться. Девочка замечает между дверью и косяком небольшую щель, она просовывает в неё ладошку, носик, вытянутые губки. Она гудит в эту щель, пищит, призывая детей обратить на неё внимание. Но дети носятся мимо, как угорелые. Все её усилия тщетны. Вдруг Ветуня вспоминает, как она поскользнулась на горохе, случайно рассыпанном Бабуней в коридоре. Коварная мысль приходит ей в голову: «Загаз вы у меня побегаετε». Она тащит мешочек с горохом в коридор, зубами развязывает узелок, набирает жменью гороха и бросает его в щель. Половина горошин остаётся у Ветуни под ногами в коридоре, но другая половина всё же попадает на крыльцо и скатывается по нему во двор. Ветуня набирает ещё одну жменью и забрасывает в щель, потом ещё и ещё. Новые горошины толкают предыдущие, те скатываются с крыльца на каменные плиты двора. И вскоре всё пространство вокруг крыльца засыпано жёлтым горохом. Ветуня с обидой теребит пустой мешочек. К её сожалению никто из детей не поскользнулся. Но зато горох привлёк их внимание.

– Горох! – заорала Нилка, – Ой сколько гороха! Борька, Изька, смотрите, Светка горохом кидается!

Дети подбегают к крыльцу, и, собирая горох в жмени, бросают его друг на друга.

– Давайте стреляться горохом! У меня ешт' трубочка, я первый придумал! – и Борька побежал домой за трубочкой.

Дети разбежались в поисках трубочек. Кто домой, кто на сметник, кто на развалку. Прикусив губу, Ветуня осознала своё поражение и заревела от обиды.

Вскоре дети опять собрались у крыльца. Почти все обзавелись разными трубочками и, набирая в рот гороха, с силой выдувая его из трубочек, стреляли друг в друга. В результате весь двор был усеян горохом.

Вдруг Ветуня услышала вопли Бабуни:

– Геть отсюда, шмакадявки! Нэ чипать! Это мой горох, гэт' уси, шоб я вас тут нэ бачила!

Бабуня открыла дверь, и умышленно не замечая Ветуню, прошла на кухню, взяла там веник, совок и миску. Вышла во двор и, шмыгая носом, стала собирать горох. На длинные общие балконы повыходили соседки, чтоб посмотреть на Бабуню и посочувствовать её беде.

– Мадам Тимош, и шо, вы хотите этот мусор кушать? – крикнула с балкона второго этажа тётя Броня.

– А вы, мадам Броня, может предложите мне форшмак на обед? Или ещё какой-нибудь бигус? Так я со всем удовольствием скушаю, – ответила Бабуня, ссыпая горох с совка в миску. – Я хорошо его промю та высушу. Шо вас беспокоить мой кишечник? Чем добру пропадать, нехай краще утроба лопнеть.

Женщины на балконе посмеялись и разошлись.

Весь день Бабуня не разговаривала с Ветуней. А вечером Ветуня наслаждалась гороховой кашей с постным маслом.

МЬЯСО

Часто вспоминаю копошащуюся у плиты, со слезящимися глазами мою дорогую Бабу-нечку. Бедная моя Бабуня, драгоценная моя Домочка, Домна, Домникия Михайловна, уважаемая мадам Тимош, как называли тебя в одесском дворе на Преображенской улице. Из моей памяти никто и никогда не вытеснит тепла твоих шершавых ладоней, твоих слезящихся глаз от копилки и от дыма печки, на которой ты готовила то "мясо". Мья-со... Какое смешное слово... Сегодня оно обретёт реальный смысл. Где-то я читала, что человек за пять первых лет своей жизни получает больше информации о мире, чем за всю последующую жизнь.

Ветуня почти три года своей маленькой жизни провела с бабушкой в одесских катакомбах. И теперь навёрстывает упущенное. Новые слова обретают смысл в ощущениях.

Итак, сегодня Бабуня принесла какое-то «мясо». Где уж она его достала, Ветуня не успела спросить. Бабуня уже растапливала печку в тёмной кухне. Поставила казанок на камфорку и стала колдовать над ним. Чтоб не мешать Бабуне, Ветуня взяла куколку Зойку и села на крыльце в ожидании новой еды. Куколку Зойку ей однажды принесла Бабуня. Маленькая тряпочная модель человечка, сшитая из грязных лоскутков, с нарисованной химическим карандашом мордочкой. Фиолетовые глазки, фиолетовые бровки, фиолетовые губки. Эту куколку передал Ветуне зайчик, сказала Бабуня.

– А хто такой зайчик?

– Это такой зверь.

– Значит он немец?

– Та не, он добрый зверь. Он живёт в лесу. У него длинные ушки.

– Немцы, шо живут в лесу тоже добгие? С длинными ушками?

– Ну, нет же ж. Немцы злые звери, а зайчик добрый, як твой Жулик, только ушки у него подлиннее.

– А-а-а. Ага.

Сейчас Ветуня сидит на крыльце и баюкает свою Зойку. Вскоре из кухни повеяло чем-то незнакомым, но очень вкусным, приятно пахнущим. У Ветуни потекли слюнки. Запах, минуя коридор, дошёл уже до крыльца и привлёк внимание голодных детей, играющих во дворе.

– Ой, и шо это сегодня у вас так заманчиво пахнет? – спросила соседка тётя Рива, проходящая мимо, и остановилась около крыльца.

– Мьясо, – похвасталась Ветуня.

Её ответ предназначался не столько для соседки, сколько для Борьки и Нилки, которые застыли около крыльца и принялись.

– Ну, долго ещё? – капризным тоном крикнула Ветуня, направляя звук в кухню.

– От скажене дитё, ну шо за нетерплячка? – донеслось из кухни. – Зараз помешаю и попробую. Мьясо тушится довго, щоб стало мягким и сочным.

Ветуня кокетливо вздохнула, мол, всегда так, мол каждый раз, когда Бабуня готовит мьясо, нужно долго ждать.

Ветуня терпеливо ждёт. Но запах, доносящийся из кухни, стал меняться, и вскоре приобрёл какой-то не очень приятный оттенок, насторожил Ветуню, и она уже стала сомневаться, что это мьясо доставит ей удовольствие.

– Фу, как завоняло, – сказала Нилка и, заткнув пальцами ноздри, отошла от крыльца.

– Ой, боже ж мой, боже! Шо я наробыла! – закричала Бабуня из кухни жалобным писклявым голосом. – Откуда оно взялося это мьясо? Я ж его шукала, а воно тут оказалось! Боже, шо я наробыла!

К крыльцу уже сбегались соседи, все заглядывали в коридор и затыкали носы. Бабуня выбежала на крыльцо и, держась за голову обеими руками, рыдала. Кричала что-то непонятное, из воспалённых глаз катились слёзы.

– Ну, Бабунечка, не надо, не плакай, – успокаивала её Ветуня.

– Мадам Тимош, придите в себе, помолчите кричать и подберите лицо, ви совсем потеряли облик, кричите на усю Преображенскую, – тётя Рива пыталась обнять Бабуню, – шо такое из вами? Или я шо-то не понимаю или у вас хто-то погиб?

– Слава богу, нет, но я снівечила усё мясо, целый килограмм, хотела дитё мясом накормить, и вот нате вам, пожалуйста. Сняла крышку, щоб помешать и умостила её прямо на мыло, помешала и опять накрыла казанок, а оно, зараза, прилипло до той крышки и стушилося вместе с тем мясом. Ну, шо вы скажете за моё поведение? Я ж сама положила его на край плиты посушить и совсем забыла. И вот вам, пожалуйста, ни мяса, ни мыла! – захлёбывалась от рыданий Бабуня.

– И де ж вы достали столько мяса?

– Та я ж сегодня с шести утра работала у мадам Галантерник. Уборка, стирка, вы ж понимаете, и она меня угостила мясом заместо денег. Оно немножко задохлось, но мы ж не гордые. Думала, хорошо протушу из лавровым листом, и у нас будет шо кушать на целых два дня. И шо теперь? Дитё опять будет кушать хлеб с постным маслом! И за шо мне на голову свалился этот гембель!

– Таки да, это досадно, мадам Тимош, но вы столько горя имели в катакомбах, шо переживёте и это. Слушайте сюда – витрите слёзы и наплюйте. Сделайте сквозняк, и пусть всё выветрится, и запах и ваша потеря. Забудьте за это, я вас умоляю.

Бабуня от этих слов постепенно приходила в себя. Высморкалась в фартук, им же вытерла слёзы, и пошла проветривать квартиру. А Борька, семилетний пацан, который так и остался стоять у крыльца, ехидно заметил:

– Ну, шо, Шветка? Вкусное мяшо? Так тебе и надо, щоб не жадалашь, – и убежал, ехидно смеясь.

Ветуня отвернулась, пропустив мимо ушей издевательство Борьки. Ей очень хотелось есть.

МУСИНА БАЛАНДА

Иногда, когда от голода сосало под ложечкой, Ветуня закрывала глаза и представляла, что она ест ароматную "баланду". Так в их дворе называли суп, который придумала мадам Брошкина. Эта «мадам», так же как и Бабуня, по утрам рылась на мусорке, которая находилась на развалке за рестораном. Ресторан открылся сразу, как только в городе стали хозяйничать румыны. Там же, только на втором этаже, располагалась комендатура. Значения этого слова Ветуня не понимала, но очень боялась. Бабуня всегда пугала её, если Ветуня нашкодит.

– Сдам в комендатуру, – говорила Бабуня строгим голосом, и девочка становилась шёлковой.

Мусорка очень привлекала детей их двора. Дети пробирались туда тайком от родителей и рылись там со страстью первопроходчиков. Однажды Ветуня среди склизких отбросов нашла даже бумажную денежку – замызанную румынскую марку и показала Бабуне. Бабуня устроила допрос Ветуне, и тайна детей была раскрыта. И вот уже в куче отбросов и объедков роятся взрослые женщины их двора. Мадам Брошкина набрала в этой куче много картофельных очисток, луковой шелухи, и несколько пустых жестянок от тушёнки. Вынесла свою керосинку во двор и стала колдовать. Ополоснула горячей водой все жестянки и слила эту, ароматно пахнущую тушёнкой воду, в кастрюльку. Затем тщательно промыла картофельные очистки и шелуху от лука, и тоже в кастрюльку. Когда это месиво закипело, пошёл аромат, который вызвал у

детей обильное слюноотделение, и они стали облизываться. Мадам Брошкина посолила свой суп и попробовала с ложки.

– Баланда готова. А ну, шантрапа, бегом за ложками, пока остывает, – скомандовала она детям. Детей ветром сдуло за ложками. Когда баланда остыла, мадам Брошкина выстроила детей в очередь и разрешила есть.

Послушно и молча дети по очереди окунали свои ложки в синюю закопчённую кастрюльку, старались набрать побольше гущи, и с наслаждением чавкая, ели этот необыкновенный суп, приготовленный мадам Брошкиной, тётей Мусей.

МАДАМ БРОШКИНА

Тогда, в далёком детстве, будучи Ветуней, я серьёзно думала, что Мусина фамилия Брошкина. Но тётя Муся всегда злилась и пыталась дать хорошего тумака, осмелившемуся назвать её мадам Брошкиной. После супа она навсегда осталась для нас тётей Мусей. Потом, через много лет, когда тётю Мусю обнаружили мёртвой в её коморке и хоронили всем двором, я с болью и благодарностью помянула эту женщину. Я поняла, что без неё я, наверное, не стала бы той, кто я сейчас. Её образ во всех подробностях всплыл передо мной. Высокая, худая, какая-то витиеватая причёска из белых вытравленных волос. Где она доставала во время войны перекись? На ней всегда одно и то же выгоревшее на солнце, изношенное креп-сатиновое тёмно-синее, замысловато драпированное платье с длинными рукавами, с подплечиками. Драпировка шла от правого плеча к поясу, дальше ниспадая вниз по юбке куском материи, вывернутой на блестящую сторону. У пояса драпировка была подхвачена огромной брошью в виде банта с синими камнями. Соседи при встрече с ней, здороваясь, всегда смотрели ей в пояс, на эту брошь, но никогда в лицо. Наверное, поэтому ей и дали это смешное прозвище – мадам Брошкина. Лица её я не помню, но помню, что оно становилось красивым и ласковым, когда дети называли её тётей Мусей. В гробу лежала незнакомая мне женщина с высоко поднятым, острым подбородком. Соседки накрасили ей губы яркой помадой. В этом было что-то вызывающее. И я вспомнила, что так же вызывающе после войны выглядела её причёска, её вишнёвые губы и эта старинная серебряная брошь с сапфирами. Когда моралистки нашего двора осуждали её за яркие губы, она не обижалась и отвечала, что с помадой не расстанется даже в гробу.

На чёрной ленте единственного венка, прислонённого к абрикосовому дереву, у которого на табуретках стоял гроб, было написано: «Марии Вениаминовне Казимирской от скорбящих соседей». Её довоенной судьбы точно никто не знал. Ходили слухи, что она работала одевальщицей в театре музыкальной комедии. А до того была какая-то история с потерей голоса, что-то связано с туберкулёзом, даже делали какое-то "поддувание". Да, она сильно кашляла, не переносила табачного дыма. Я и сейчас помню её душераздирающий мокрый кашель. Мы с Бабуней жили на первом этаже, наша дверь из коридора выходила сразу во двор. Летом, в жару мы спали в этом коридоре с открытой дверью, как и все обитатели нашего двора. Кто-то спал на общих балконах, кто-то с распахнутыми окнами. Когда тётя Муся начинала кашлять, я просыпалась, мне казалось, что она вот-вот умрёт от надрыва, что у неё внутри что-то оборвётся и конец. Соседи тоже просыпались и с проклятиями захлопывали окна и двери.

ЛИМАН

Мне шёл пятый год, когда освободили Одессу. Бабуня ждала известий от мамы и папы. Нутром чувствовала, что они живы. Мы часто сидели с ней на крыльце и мечтали о встрече с ними.

– Вот приедут твои мамка и папка, посмотрят на тебя и шо они на тебя подумают? Шо ты не ихняя дочка – уся замурзанная, локти та колени сбитые, та й крутишь ты ими, як какой-нибудь клоун у цирке.

– У меня кости чешутся, – отвечала я и с хрустом крутила кулаками в разные стороны. Я ощущала, будто в локтях, коленях и запястьях бегают мелкие насекомые и щекочут мои кости. Бабуня обижалась на меня, называла "контуженым инвалидом" и "артисткой погорелого тиятра".

Однажды она пожаловалась тётё Мусе:

– Надо Ветку на лиман, может у неё ревматизм, чем чёрт не шутит. Дитё прямо корёжить.

– Так в чём же дело? Завтра я поеду на Куяльник, возьму её с собой, – ответила тётя Муся.

На следующий день мы запаслись лучком, редиской, хлебом. Бабуня пожарила бычков, взяли бутылку воды и поехали. Сначала на одном трамвае, потом пересели на другой, и, не доезжая нескольких остановок до Лузановки, сошли с трамвая. К лиману мы шли по железнодорожной линии. Пахло гарью и тухлыми яйцами. А тётя Муся сказала, блаженно вдыхая вонючий воздух:

– Пахнет лиманом.

Потом мы шли по бурой траве, растущей на белёсой почве. Это выступала соль, объяснила мне тётя Муся. Шагая по солёному берегу, мы разговаривали о разных вещах. Меня интересовало всё, что касалось загадочной жизни тёти Муси, и я задала ей вопрос, который давно мучил меня.

– Помнишь, Муся, того дядьку, шо пгиходил к нам во двог иггать на скгипке?

– Помню, а что? Он же мой давний ухажёр.

– Так он тебе сказал – "Я тебя везде найду, бо земля кгуглая". А я смотгю на землю под абгикосой – она там совсем не кгуглая, а говная. Это мячик кгуглый.

– Ну и земля как мячик. Висит себе в небе, а мы на ней живём.

– А что значит небо?

– А вон оно, – Муся посмотрела вверх и прищурилась от солнца. – Прямо над тобой... огромное, голубое... И там Бог.

– Никого я там не вижу. Бабуня говогила, шо Бога нет, потому что мой дедушка выбил из неё того Бога кочегтой.

– Это потому что он был коммунистом и в Бога не верил. А Бог есть и его никакой кочергой не выбьешь.

– Ну, смотги, – упрямылась я, тыча вверх пальцем. – Там совсем пусто, никого там нет, никакого Бога! Только чайки.

– Он есть, только очень высоко, отсюда не видно. Вот смотри – чайка, когда она на земле, кажется большой, а чем выше улетаёт, тем меньше кажется.

– А у Бога тоже есть кгылья?

– У Бога всё есть. И если хорошо его попросить, помолиться, то он всё тебе даст.

– Всё-всё? И даже конфеты? И всякие платья кгасивые?

– И конфеты, и платья... Но при условии, что ты будешь хорошей девочкой, слушаться бабушку и никогда никого не обманывать. Понятно?

– Понятно, – с сомнением промямлила я. – А как же он узнаёт, что я обманываю?

– Боженька всё знает, всё видит.

– И даже как я какаю? Фу!

– Какать, Ветуна, это не грех. Он видит все грехи и все добрые дела. За грехи наказывает людей, за добро спасает, – и Муся перекрестилась, глядя в небо.

А лиман уже сверкал перед нами, как стекло огромного размера, распластанное по земле до самого горизонта. И ни одной живой души! Тихо и жутко. Бабуня водила меня на море, на городской пляж Лонжерон, там былолюдно, шумно, море весело плескалось, разговаривало, иногда сердилось, иногда ласкалось, иногда жаловалось, вздыхало, иногда рассказывало мне сказки. Это бывало когда я, нанярявшись и, наглотавшись солёной воды до тошноты, дре-

мала под простынёй. Потом отдохнув и перекусив хлебом с помидорами и огурцами, я опять отдавала себя на растерзание морю. В море у берега плескалась гурьба беспризорных ребят. Они веселились, орали, подпрыгивали в воде, принимая на себя волны, подныривали друг под друга. Я завидовала им – они пришли на пляж сами, без родителей. Очень злилась на Бабуню, когда она в мужских чёрных сатиновых трусах до колен и в белом застиранном бюстгальтере 10-го размера, с множеством пуговиц на спине, размахивая полотенцем, бегала по берегу и орала высоким противным голосом:

– Вийди з моря, паразитка! Не мотай мне нервы! Если зараз не вылезешь, ремня дома получишь. Так настаю, шо жопа вспухнет! Ты ж уже синя, як мертвяк!

Мальчишки смеялись над Бабуней. А меня душила обида и стыд за неё, за её мужские трусы, за этот застиранный бюстгальтер на семи пуговицах, за её писклявый голос. Я делала вид, что это не моя бабушка. Я ведь знала, что плавать она не умеет и вряд ли сунется в море до пояса. Сама же я плавала как рыбка. Помнится я и не училась плавать. Как вошла в воду, сразу поплыла по-собачьи. Это уж потом я стала учиться у пацанов, живущих в хижинах у моря, прыгать с камней, нырять за крабами и мидиями, кувыркаться через себя и лежать на воде. Из моря я не выходила часами. Даже в самую жаркую погоду выползала на берег дрожащая, как мокрый пёсик, с синими губами и ногтями. А Бабуня верещала, кутая меня в простыню:

– Ну, мертвяк, синюшный мертвяк, унистожишь себе здоровье, шо я скажу маме! Уся в неё, та такая же была в детстве. Ой, Ветка, буду дубасить!

Всегда угрожала, но даже пальцем не тронула за всю нашу совместную жизнь.

Подожли мы с тётей Мусей к лиману. А он мёртвый. Тишина вокруг, только редко пролетит над нами чайка и прокричит что-то почти трагическое. Но это только усугубляло наше одиночество и мертвизну лимана, который простёрся перед нами до самого горизонта. Другой ребёнок закапризничал бы, стал бы проситься на море, ведь рядом Лузановка – прекрасный песчаный пляж, люди. Нет. Я сказала, что здесь очень хорошо и мне нравится. Наверное, я не хотела обидеть тётю Мусю.

– Ты пока разденься и посиди тут, обсохни от пота, а я накопаю грязи, – тётя Муся отошла куда-то в сторонку и стала копать в траве, в мелких лужицах солёной воды.

Я подошла к самому лиману. Вода прозрачная-прозрачная, как слеза. Песок на дне уложен аккуратными волнами, отчётливо, упруго. Будто кто-то специально рассчитал расстояния между возвышениями и углублениями. Я присела на корточки, пристально разглядывая дно. Вдруг мне стало жутко. Сквозь воду из песка на меня что-то смотрело. Я застыла и тоже стала смотреть в маленькие чёрненькие глазки, торчащие на костистой мордочке, выглядывающей из песка. – Кто это? – подумала я, и осторожно опустив в воду пальцы, хотела дотронуться до существа, смотревшего на меня. Протяжный вопль пронзил тишину лимана! Я бежала к тётю Мусе и орала, размахивая правой рукой, на указательном пальце которой висел обыкновенный большой краб. Невыносимая боль, но страх сбросить краба был ещё сильнее. Тётя Муся бежала ко мне. Совершенно голая, с чёрными по локоть руками.

–Кга-а-аб! – орала я, – меня укусил кгаб, тётя Муся, отогвите его!

Тётя Муся схватила мою руку, и как только она дотронулась до краба, он, решив, что нужно хватать ещё кого-то, выпустил мой палец и упал на песок. Я сунула палец в рот, перестала орать, с любопытством наблюдая за крабом. Как интересно! Откуда он знал, где находится море? Краб сразу же, без остановки быстро, быстро, боком побежал прямо к лиману. Если б мы бежали с ним наперегонки, то ещё не известно, кто добежал бы первый. Тётя Муся обняла меня, гладила грязными руками мою стриженую голову и приговаривала:

– Бедное дитё, её никогда не кусал краб. Ничего, до свадьбы заживёт.

Я вытащила палец изо рта, посмотрела на малюсенькую ранку и недоумённо произнесла:

– Ого! Аж до самой свадьбы?

–Так говорят всегда, когда хотят, чтоб быстрее зажило.

Я посмотрела на тётю Мусю и расхохоталась. Передо мной стояло голое тощее чудовище с обвислой грудью, с чёрными до плеч руками, с чёрными ногами и ещё чёрный нос и горло. Поняв причину моего смеха, она тоже расхохоталась и сказала:

– Дурочка – это ж самое лучшее средство от больных костей и от простуды – лечебная лиманская грязь. Сейчас мы разукрасим и тебя.

Чёрной маслянистой грязью она намазала меня в тех же местах, что и у неё.

– Теперь ложись на спину и впитывай солнце.

Я легла на горячий песок, закрыла глаза и стала впитывать солнце. Действительно, в местах, где было намазано, солнце пекло сильнее. Но лежать неподвижно для меня невыносимо. Уж очень я была круть-верть. Так меня называли все соседи нашего двора. Они недоумевали, откуда у меня столько энергии. Плохое питание и недостаток витаминов, отсутствие солнца, когда мы жили в катакомбах, должны были превратить меня в хилое существо. А я была крепенькая, щекастая, с ямочками и подвижная, как волчок – настоящий круть-верть. Никто бы не поверил, что этот самый круть-верть спокойно лежит на песке и послушно впитывает солнце. Тётя Муся заставила меня поверить в грязь. И я подумала, лёжа на спине, если буду слушать её, то мои кости перестанут чесаться и дети не будут больше надо мной смеяться. Я закрыла глаза и позволила солнцу лечить меня. Какое-то время мы лежали на спине, как два трупа. Потом тётя Муся перевернулась на живот и велела мне намазать грязью её правую лопатку и поясницу. Левую лопатку нельзя мазать грязью, так как там сердце. В тех же местах тётя Муся намазала и меня. На животе мы пролежали ещё минут двадцать.

– Сеанс окончен, больше нельзя, – наконец произнесла тётя Муся, достав из ридикюля старенькие часики. – Теперь купаться, – скомандовала она и побежала к лиману. Я за ней. Весело смеясь, она вбежала в воду и, разбрызгивая её, всё бежала и бежала по воде, как по дорожке. Я остановилась на берегу, как вкопанная. Почему она не погружается в воду? Там должно быть глубоко, а тётя Муся бежит прямо по морю. Она что, волшебница?

Тётя Муся убежала очень далеко, солнце светило ей в лицо, я видела только чёрный силуэт женщины, бегущей по воде. Мне тоже захотелось туда, к ней. Но я стояла на берегу, как зачарованная, и не осмеливалась войти в воду.

– Круть-верть! Чего ты ждёшь? Беги сюда!

– Боюсь! Там кгабы!

– А ты беги быстро-быстро! Они не успеют схватить тебя! Вперёд!

Я закрыла глаза, распластала в стороны руки и вбежала в воду. Каждое мгновение мне казалось, что вот-вот меня схватит за ногу краб и от этого сердце замирало. Но я не чувствуя дна летела по воде к тёте Мусе.

– Му-уся! Каг-р-раул! Уг-р-ра! Никаких кг-р-рабов! Р-рыба, р-рыба! Комендатур-ра!

Я бежала по мелкой воде и орала все слова с буквой "р", которым меня учил Борька. Я картавила, а он шепелявил. Борька уже ходил в первый класс и у него выпали передние зубы. Каждое утро он гнусавил под нашей дверью:

– Швета! Выходи гулять! Шмотри, какой я жделал парушник.

Я выходила сонная на крыльцо и недовольно поправляла его:

– Пагус-ник, Боя, – а он мне:

– Не паг-гушник, а пар-рушник, Швета.

– Я не швета, а С-света.

– А я не Боя, а Бор-ря!

Сейчас же я с восторгом орала, приближаясь к тёте Мусе:

– Пар-русник! Пар-русник!

– Где парусник? Нет никакого парусника, – оглядывалась тётя Муся.

– Есть! Пар-русник! Есть кр-рабы! Они сейчас схватят мадам Бр-р-рошкину и отведут в комендатур-ру! – выпалила я, бросаясь в объятия тёти Муси.

Она всё поняла, простила мне Брошкину, кружила меня над водой, целовала в щёки и очень радовалась. Потом, взявшись за руки, мы побежали дальше по лиману, навстречу яркому солнцу, которое гримасничало, радовалось вместе с нами, отражаясь в лиманской воде, ожившей от нашего вторжения. Дальше вода была прохладней и мы стали погружаться. Когда вода стала мне выше пояса, мы остановились и, тяжело дыша, оглянулись. Ну и далеко же мы убежали от берега! Наш пляж был безлюден. Далеко, далеко виднелся товарный поезд. Он медленно полз вдоль лимана. Протяжный гудок паровоза вернул нас к действительности. Мы стали смывать с себя грязь. Вода такая солёная! Не дай бог, попадёт в глаз, наверняка выест. Я забыла про краба, но солёная вода, попав в ранку, стала щипать. Я вспомнила о нём, но уже совсем не боялась. Мы медленно, глядя себе под ноги, продвигались к берегу. Сквозь воду мы видели наши следы, едва различимые на песке. Множество всякой живности шарахалось из-под наших ног. Рачки, малюсенькие крабики, даже какие-то, неизвестные мне, морские насекомые. До меня дошло, что мой краб притаился, зарывшись в песок, поджидал жертву на обед. Этой жертвой оказалась я. Вот так добыча! Мне тоже захотелось есть. Тётя Муся разложила на полотенце нашу скромную еду, и мы с аппетитом съели всё до крошки. Запили тёплой водой из бутылки, и пошли в лиман собирать мидии.

– У меня есть пшено. Дома сварим плов из мидий, – сказала тётя Муся.

Я знала, что мидии очень вкусные. Любимое лакомство одесских мальчишек. Они ныряли под камни, отковыривали мидии, приросшие к камням, разжигали маленькие костерки на песке и на жестянках поджаривали их, посыпали солью и с удовольствием жевали. Но плов из мидий я никогда не ела.

В лимане камней не было. Мидии прятались в песке. Их тут было много, набрали целую авоську.

Часам к пяти вечера мы добрались до города. Я не крутилась, не вертелась, спокойно шла рядом с тётей Мусей и тихонько себе под нос бормотала:

–Ну, Бор-рька, ты тр-руп. Пр-ройдём в комендатур-ру! Шкульптур-ра, ур-ра!

Шкульптура

Когда мы подошли к дому Попудова, я остановилась, чтоб посмотреть на таинственную Шкульптуру. Мы с детьми часто бегали смотреть на неё, благо она стояла в квартале от нашего дома. Когда я впервые увидела её и спросила у Борьки: «Что это?», он с достоинством знатока сказал: «Это шкульптура». Я ехидно переспросила: «Шкульптура? Это когда дяди голые?» и покраснев, отвернулась. Нилка хихикала и дразнила Борьку: "А у тебя нет письки, нет письки!". "А вот и есть, а вот и есть! У всех мальчишек есть". "Брешешь! Покажи!" – потребовала Нилка. В тот же вечер Борька собрал всех мальчишек нашего двора, позвал нас, девчонок, и мы спустились в подвал под Нилкиным крыльцом. Мальчишки выстроились перед нами, держась за трусы. "Раз, два, три! – скомандовал Борька, и они одновременно опустили свои трусы до колен. В подвале было темновато, но мы всё же разглядели – у всех мальчишек были точно такие же письки, как у дядек на "шкульптуре". "А теперь вы снимайте трусы – приказал Изька – а то не выпустим отсюда". Мы с визгом и хохотом убежали из подвала. С тех пор между нами встал незримый барьер. Мы были разными. И некоторое время девчонки и мальчишки играли в разные игры. Мальчишки "в войну", а мы "в домик". Потом как-то незаметно мы опять объединились и игры стали общими.

Теперь, когда я научилась выговаривать букву «р», я осознала своё превосходство над Борькой. Вряд ли он за моё отсутствие перестал шепелявить. Сейчас я ему скажу, что мы с тётей Мусей смотрели на «шкульптур-ру!».

Да, в который раз я замороженно смотрела на искажённые страданием лица обнажённого мужчины и двух плачущих мальчиков, тела которых обвивали змеи. И как всегда испытывала необъяснимое чувство ужаса и восторга. Много лет спустя я вновь испытала тот же восторг,

сидя на лекции по ИЗО в театральном институте. Мы, студенты, сидели в тёмном зале, а перед нами светился маленький экран, на котором вдруг появилась знакомая мне "Скульптура". Педагог по изобразительному искусству равнодушно рассказывал, что скульптура называется "Лаокоон". Лаокоон – жрец Трои, произнёс великую фразу: "Бойтесь данайцев, дары приносящих", чтоб предостеречь троянцев от обмана, чтоб они не открывали городские ворота перед деревянным конём, который напичкан вооружёнными греками. Зевс в наказание наслал на Лаокоона и его сыновей послов Посейдона – змей. А Родосские мастера Агесандр, Афондор и Полидор в первом веке до нашей эры изваяли эту скульптуру, отобразив в ней телесную боль, красоту и величие духа.

Из блаженного оцепенения меня вывел голос тёти Муси.

– Ветуня, – сказала тётя Муся и сделала паузу, будто не решаясь продолжить, – В этой мастерской, – всё же продолжила она, указывая мне на ступеньки, которые вели в подвальное помещение, – работает один человек. Он настраивает музыкальные инструменты. Ты сразу его узнаешь. Он очень красивый. У него седые виски. Ты подойди к нему, поздоровайся и скажи, что тебя послала тётя Муся... нет, просто Муся...

– И шо?

– А нишо. Просто так скажи. Я буду ждать тебя на той стороне улицы.

Я плохо поняла, чего хотела от меня тётя Муся и тихо спросила:

– А как его зовут?

– Аркадий. Дядя Аркадий. Ну, иди.

Тётя Муся оставила меня и пошла через дорогу на другую сторону улицы. Я немного постояла, потом стала медленно спускаться по ступенькам, оглядываясь на тётю Мусю. Она подавала мне знаки, чтоб я не оборачивалась, а шла туда, вниз. Я спустилась в полумрак подвала. После солнечной улицы тут было темно и прохладно. То, что прохладно – хорошо, так как я вспотела, и очень хотелось пить. Но полумрак сразу напугал меня и я остановилась. Постепенно глаза привыкли, и я стала различать предметы и звуки инструментов, вернее просто струн. Одной струны. Жалобу одной струны. Я огляделась. Везде стояли столы, заваленные разными деталями от музыкальных инструментов. За одним из столов на низкой табуретке сидел лысый дядька, поджав обе ноги под себя. Но когда он, опершись обеими руками о стол, приподнялся, и потянулся за какой-то вещью, я увидела, что ног у него нет. Между табуреткой и его туловищем виднелся просвет. "Инвалид" – с уважением подумала я, и подошла ближе. Это, конечно же, не Аркадий. Инвалид курил, вернее, докуривал закрутку из газеты. Маленький окурочок он осторожно держал двумя пальцами. Наконец он обернулся и увидел меня. Я отвела взгляд. На стене передо мной висели скрипки, гитары и ещё много неизвестных мне инструментов.

– Тебе шо нужно? Ты до меня? – спросил инвалид.

– Я до Агкадия.

– Агкадия?

– Ну, до этого, до дяди Ар-ркадия.

– Аркаша, до вас домогается красивая незнакомка, – крикнул инвалид.

В углу стояла старая складная ширма. На протёртом шёлке просматривались остатки драконов и райских птиц. Над ширмой появилась голова мужчины с седыми висками. Волосы гладко зачёсаны назад. С весёлым прищуром мужчина смотрел на меня и молчал.

– Я от Муси, – еле прошептала я.

Но у Аркадия был абсолютный слух. Прищур остался, а весёлость как рукой сняло. Он вышел из-за ширмы и стал рыться в карманах брюк. Потом протянул мне смятую бумажку – пять рублей. Я замотала головой и почувствовала, что сильно покраснела.

– Нет, нет, не надо. Я ж от Муси.

– Чего ж ей ещё надо?

– Не знаю.

– Так вот бери, это то, что ей надо. Ну, беги, беги... до своей Муси.

– А-а-а, – протянула я, схватила деньги, и, не дожидаясь пока у меня брызнут слёзы, побежала из мастерской по ступенькам вверх. Поскользнулась, упала, больно ушибла коленку и выбралась, наконец, на улицу. На другой стороне стояла тётя Муся и рукой подзывала меня к себе. Я перебежала дорогу и уткнулась головой в её живот.

– Коленку р-разбила, – меня давили слёзы, ком в горле не давал говорить, – Бабуня р-ругаться будет.

– Что он сказал?

– Что тебе надо это, – я разжала кулачок.

Тётя Муся посмотрела на деньги, её лицо стало похожим на эту скомканную, грязную бумажку. Прерывисто вздохнула и взяла пятёрку. Авоська с мидиями выпала у неё из рук. Открыв свой ридикюль, она положила деньги в маленький карманчик сбоку.

– Он тебе должен? – спросила я, поднимая авоську.

– Нет, Ветуня, он мне ничего не должен.

Мы молча вошли в наш двор. Бабуня сидела на крыльце и заплетала свои тонюсенькие, но очень длинные косички. Я бросилась к ней на шею. Всклипывая выдавила из себя:

– Гор-ре! Гор-ре! Меня укусил кр-раб! Р-разбила коленку, и... и...

А тётя Муся уже спокойно давала отчёт Бабуне:

– Ветуня вела себя очень хорошо, никакой она не круть-верть, славная, послушная девочка. Просто она соскучилась по своей Бабуне и немного устала.

– Я так благодарная тебе, Муся. Усё бельё перестирала у Цили Моисеевны. Заработала целых пятнадцать рублей. Ты ж знаешь, шо она с дитём не пускае в квартиру. Пришлось бы Ветуне весь день гулять у чужом дворе.

– Бабуня, мы будем вар-р-рить плов? – мне очень хотелось, чтоб Бабуня услышала мою букву "р" и похвалила меня.

– Будем, будем, – засмеялась Бабуня. – Самашечее дитё. То плачить, то хохочить, а теперь уже даже и рыкаить!

Плов из пшена с мидиями я ела утром, потому что, войдя в прохладный полумрак нашей комнаты, я бросилась на кровать, и меня постепенно сморил сон. Засыпая, слышала через раскрытое окно в парадное, как тётя Беба, соседка, живущая над нами, разжигала свой примус на мраморных ступеньках лестницы. Она раздражённо кричала мужу в комнату, продолжая какой-то спор:

– Ой, благодарность! Он мне ещё будет рассказывать за благодарность! Я с тебя смеюсь, Сёма. Я тебе не мадам Брошкина, которая усю войну продержала этого кота под кроватью, руминам бельё стирала, сама кушала с помойки, а ему лучий кусок. И шо она с этого иметь? Какую благодарность? Бога с него делала! Ах, какой пианист! Ах, какой гений! Теперь этот гений на букву "г" вылез из-под Муськиной кровати, смылся от неё. Настраивает пианины и рояли усей Одессе, денег куры не клюют. У жены платье под мышками лопается с жиру. А Муське инвалидке сунуть в субботу сраную пятёрку – вот тебе и уся ваша благодарность. Ой, иди хоть примус покачай, никак же ж не разжигается!

– Беба, ты кругом не правая, я ж тебя не упрекаю....

Голос мужчины прервал звук струны из музыкальной мастерской. Ма-а-а – высоко, ма-а-а – пониже... И всю ночь мне снилась моя мама, которая сошла с портрета, висящего над кроватью, которую я никогда не видела живую, но знала, что она обязательно приедет и заберёт меня и Бабуню в большую светлую комнату с балконом и с видом на красивую солнечную площадь.

МАМА

Была суббота. В этот день обычно купали детей. Женщины выносили во двор тазы, вёдра, балии – цинковые корыта, в которых обычно стирали бельё. Набирали в них воду из дворовой колонки, ставили на солнце. Пока вода грелась, дети гурьбой бегали вокруг ёмкостей с водой, брызгались, шумели в предвкушении долгожданного купания. Все стриженные наголо, с чёлками, похожие друг на друга, не поймёшь, где мальчик, где девочка. И трусики одинаковые. Их пошла моя Бабуня из старого довоенного тряпья, найденного в каком-то разрушенном доме.

В тот момент мы играли в догонялки, стегая друг друга мокрыми мочалками. Вдруг Нилка, внучка дворнички, застыла, глядя в арку подъезда. Все дети, как по команде, оглянулись в сторону подъезда и тоже застыли. Там стояла женщина невероятной красоты. На ней было сиреневое платье в белый горошек, босоножки на танкетке, под мышкой ридикюль. Бледное лицо обрамляла рыжая грива с чёлкой. Грива золотом переливалась на солнце, как медный таз Нилкиной бабушки, который она всегда начищала у колонки. Особенно на этом прекрасном лице выделялись ярко накрашенные губы. Хорошо помню, что я тогда подумала: "Хочу, чтоб это была моя мама".

Женщина внимательно осматривала двор. Затем, увидев справа колонку, подошла к ней, открыла и стала жадно пить воду, набирая её в ладони. Когда она наклонилась, мы увидели на её спине огромный зелёный потрёпанный рюкзак. Он совсем не сочетался с этой прекрасной тётей. Утолив жажду, она сняла рюкзак и поставила его рядом с колонкой. Платье на спине взмокло от пота. Видимо она очень устала. Разминая руками плечи, женщина опять стала внимательно изучать двор. Увидев нас, сделала несколько нерешительных шагов по направлению к нам. Мы, как зачарованные, стояли кучкой и глазели на неё. Она подошла ещё ближе, пристально вглядываясь в наши лица. Глаза её были полны слёз. Смотрела на нас долго, переводя взгляд с одного на другого. Затем, ткнула Борьку указательным пальцем в грудь и тихо сказала:

– Светочка.

– Не-а, я Боря, – обиделся он.

Затем женщина перевела взгляд на Нилку, и тоже указав на неё пальцем, спросила:

– Ты Светочка? – Нилка округлила глаза и тоже сказала:

– Не-а.

Нас было человек десять. Я очень волновалась и с нетерпением ждала своей очереди. Светочек среди нас не было, кроме меня. Но эта женщина упрямо обходила меня стороной. Наконец я не выдержала и с обидой выкрикнула:

– Я Светочка! Я! – сжав ладони в кулачки, я со всей силой била женщину в живот и захлёбывалась от рыданий и обиды. – Уйди! Уйди, тётка поганая! – кричала я.

– Ветуня, ты? Доченька моя родненькая, как же я так? Не узнала! У тебя ж были голубые глаза, я искала голубые. Прости меня, курнопелечка моя родненькая, зеленоглазая, – рыдая, кричала женщина, упав передо мной на колени. Она обнимала меня, целовала, ощупывала с ног до головы. Я стояла, всхлипывая, всё ещё не понимая, что это моя мама, – Ну, где же моя мама, твоя бабушка? Где вы живёте? Веди меня к ней!

– Бабуня пошла в магазин, за угол, – глотая слёзы, прошептала я.

– А вы кто такая и шо вам тут надо? – подозрительно спросила подошедшая к нам дворничка, Нилкина бабушка.

От её глаз не ускользало ничего, что происходило в нашем дворе.

– Я Лида Тимош, я вернулась с эвакуации. С вокзала пошла домой, где мы жили, на Нарышкинский спуск, а дома нет, одни камни, – сбивчиво объясняла женщина, поднимаясь с колен и прижимая меня к себе. – Сижу на руинах, плачу, не знаю, что делать. А тут из соседнего двора вышла знакомая и рассказала, что видела недавно маму на Привозе, что они спаслись, и назвала этот адрес. Это ж Ветуня, да? Где они живут?

– Тут, тут они живут. Вон их крыльцо, там же открыто всегда. Куда бабушка пошла?

– За хлебом... пока вода греется...

– Ну, так я зараз сбегаю за ней. Боже ж мой, какое счастье, какая радость!

Дворничка, вытирая руки о передник, побежала на улицу.

– Ну, води же меня домой, Ветунечка, – женщина подталкивала меня к крыльцу. Мы уселись на ступеньках. Она гладила меня по стриженной голове, а я смотрела в её заплаканные глаза и не знала, что говорить, – Не молчи, сонёчко моё, курнопелечка моя родненькая! Как же вы выжили? Ты ждала меня? Ты рада меня видеть? Я ж твоя мама.

– Р-рада, – с гордостью произнесла я подсказанное мне слово. Я с удовольствием продемонстрировала своё последнее достижение, – А я умею ещё ласточку.

Я сползла с крыльца, стала перед женщиной в стойку "смирно", затем растопырила руки в стороны и, стоя на правой ноге, подняла левую высоко назад, стараясь не упасть. Так учил меня Борька, у него в школе были уроки физкультуры и он показывал нам во дворе разные упражнения.

– Умничка ты моя, как же ты выросла! Я же оставила тебя вот такусенькую, – она отмеряла рукой от земли примерно мне до пупка.

– Лидочка! Доченька! Жива-ая, – раздался вопль Бабуни, усиленный эхом подъезда. Она вбежала во двор, споткнулась у колонки, упала на колени. Из рук её выпала буханка хлеба и покатилась по земле. Она пыталась встать, но, наступив на юбку, опять упала. Её седые волосы растрепались по плечам, гребёнка болталась на концах волос, она пыталась её нащупать и одновременно встать на ноги, но не могла. Она всё падала, падала и кричала: – Лидочка, Лидочка! Доця моя!

Женщина бросилась к ней, подняла, разгладила спутанные волосы и стала целовать Бабунины глаза, щёки, губы, руки.

– Ну, всё, всё, мы вместе. Я нашла вас, вы живы, слава богу! Мамочка, ты ж совсем седая!

– Мама! – вдруг громко закричала я и бросилась к ним. Наконец-то я осознала, что это действительно моя мама. Мы долго стояли посреди двора, обнимались, оглядывали друг друга, что-то говорили, пока не пришли в себя. Вокруг нас образовалась толпа. Сбежались соседи, шумно обсуждали нашу встречу и радовались за нас.

– Шо ж мы тут стоим посередь двора? Пошли в хату. Ты ж голодная, усталая, доня моя бедная. Как же ж я тебя ждала! – радостно лепетала Бабуня, подталкивая маму к крыльцу.

– Ой, подожди, рюкзак забыла, там всё моё имущество, – мама подхватила рюкзак, и мы вошли в нашу тёмную квартиру.

Наверно я потеряла сознание. Когда пришла в себя, то уже лежала в кровати, на голове мокрое полотенце, передо мной на коленях стояла моя мама и стряхивала градусник. Мне хотелось пить, но я молчала и смотрела на маму. На *мою* маму. Я ощущала что-то непознанное, будто долгожданная тайна открывалась мне. А мама смотрела на Бабуню и оправдывалась:

– У неё же тогда были голубые глаза и светлые волосы. А сейчас глаза зелёные и совсем тёмные волосы. Я не смогла её узнать.

– А я тебя узнала, – сказала я каким-то чужим голосом, и отвернулась к стенке.

Помню я лежала на кровати, мама сидела у меня в ногах, гладила мои коленки, а Бабуня рядом на стуле. Её огромная чёрная тень шевелилась на стене позади неё. Бабуня прикрутила фитиль в керосиновой лампе, стоящей на столе. Тень уменьшилась. Сквозь сладкую дрему я слышала их голоса.

Тогда я многое не понимала из их разговора. Но постепенно, из Бабуниных и маминых воспоминаний у меня в голове сложилась реальная картина той первой ночи с мамой. При наших встречах с Бабуней мы часто втроем ложились в обнимку на мамину кровать, и я просила, чтоб Бабуня рассказывала про *меня маленькую*. И Бабуня всегда с большим удовольствием, несмотря на тяжёлые воспоминания, начинала рассказывать про катакомбы, про встречу с мамой, про мои галлюцинации, про нашу с ней жизнь после освобождения Одессы.

Мама тоже вспоминала свою жизнь в эвакуации; как волновалась за нас, как теряла и снова обретала надежду на встречу с нами.

МАМИН РАССКАЗ

– А Жорж где? Он жив? – спросила Бабуня.

– Жив. Он остался с театром в Ашхабаде, а я упростила директора отпустить меня. Как узнала, что Одессу освободили, не могла сидеть в неизвестности. Каждую ночь мне снились кошмары, что вы погибли.

– Як же ты добиралась, Лидочка? Средняя Азия – это ж так далеко от нас.

– Месяц, ровно месяц я добиралась. Думала, не доберусь. Прыгала с товарняка на товарняк. Ночевала в пустыне под открытым небом. Попадались добрые люди, помогали и тут же куда-то исчезали. Народу – тьма, все хотят домой, вырваться из эвакуации. Куда ни глянь, везде давка, все орут, дерутся, ворё шныряет. Какой-то парень вроде хотел мне помочь, занять место на товарняке, наверху. Взял мой чемодан и залез наверх. Пока я карабкалась за ним, он спрыгнул с другой стороны товарняка и убежал с чемоданом. А тут поезд тронулся. Ну, я плюнула, не стала догонять. Неизвестно же, когда повезёт с другим товарняком. До Астрахани я добиралась больше недели. Ну и намучилась я в этой Астрахани. С вокзала уйти нельзя, боялась прозевать поезд – расписания же не было. Присесть негде, поесть нечего. Консервы, что везла вам, в чемодане остались. А рюкзак я набила изюмом и курагой с урюком. Выменяла у какой-то бабы две жмени изюма на четыре селёдки. А селёдка солёная, как рапа. Еле съела одну. Захотела пить, а за водой очередище – ужас! Пришлось рискнуть – побежала в город искать воду. Повезло. В одном из дворов обнаружила кран, из которого просто текла вода, он не закрывался – такое расточительство. Я присосалась к этому крану и пила, пила, пила. Во двор вышел дядька, долго смотрел на меня, потом спросил – « Ты часом не коняка, чтоб так хлебать?» Я показала ему селёдку и попросила пустую бутылку взамен. Он сказал, что этого добра, ну селёдок, у них на Каспии навалом, нет ли чего получше. Пришлось отдать ему немного изюма и кураги. Дядька вынес литровую бутылку и кусочек чёрного хлеба. Я умылась, набрала в бутылку воды и побежала обратно на вокзал. Ну и что ж ты думаешь? Поезд на Ростов, который я сутки ждала, уехал. А народу даже не убавилось. Рассказывали, что он прибыл на другую платформу, и все ринулись туда. Представляешь, с вещами, с детьми... Да и стоял он всего минут десять. Что делать? Негде даже притулиться. Объявили, что следующий поезд пойдёт только через сутки. Хотела было пойти опять в тот двор с краном, найти того дядьку, попроситься на ночлег. Но решила больше не рисковать. Уселась на рюкзак прямо в толпе, посреди платформы. Сумку с документами прижала к груди, голову уронила на колени. Так и просидела часа три или четыре в полусне. Среди ночи ужасно заболел живот, захотела в уборную. Попыталась встать, но затекли ноги. Я ж сдуру надела танкетки, всю дорогу в них. Туфли без каблука тью-тью, остались в чемодане. А босиком нельзя, везде битое стекло и гадость всякая под ногами... Боже, как у меня болели ноги, еле встала. А ещё нужно было переступать через людей... На двери уборной мелом было написано: "Римонт". Пришлось бежать "до ветру". Именно бежать, так как сил терпеть уже не было. Словом оказалась я на каких-то путях, среди пустых вагонов в укромном местечке. Уже светало и мне стало понятно, что не одна я облюбовала это место. Справила свою нестерпимую нужду и поплелась обратно на вокзал. Днём присоединилась к компании трёх женщин. Они решили по-быстрому смотаться в город, чтоб купить какой-нибудь еды. Слава богу, недалеко от вокзала нашли замызганную столовку. Грязь, мухи, грохот подносов! На раздаче стояла баба с железными зубами, орала на всех без исключения. Я взяла рис с вонючей жареной селёдкой и мутный компот из сухофруктов. Вернулись на вокзал и ещё до вечера ждали поезд. Когда подали состав, толпа просто внесла меня в вагон. Я даже усилий не приложила. Удалось даже занять место у окна. Я была так счастлива, что у меня началась истерика. Слёзы капали на рюкзак, который лежал на коленях. Ткнулась

головой в рюкзак и отключилась. Не слышала, как тронулся поезд, не видела, как наступила ночь. Проснулась под утро. Было ещё темно. Нас утрясло под стук колёс и стало свободней. Удалось вытянуть ноги и расправить плечи. Более того, мне даже удалось, переступая через людей, добраться до уборной. Слава богу, что люди, боясь потерять место, терпели и не успели сделать туалет недостижимым. Ты знаешь, мамочка, по-моему, туалет – это была самая страшная проблема в пути. Не только для меня. В этом деле все были абсолютно равны. Я благополучно вернулась на своё место, уселась и решила, что не оставлю его до самого Ростова.

– Лидочка, а как же вы попали в этот Эшхабат? И шо, вы усе эти три года там и жили?

– Нет. Ты ж помнишь, мы с Жоржем оставили тебе Ветуню на лето и уехали в город Кировоград на гастроли. Это было в начале июня, а 22-го июня началась война. Нас она застала в Знаменке на выездном спектакле. На следующий день мы должны были вернуться в Кировоград и уже собираться на большие гастроли в Алтайский край. Но в Кировоград нас не пустили, оставили в Знаменке. Там как раз формировались составы для эвакуации с Украины. Нашу труппу решили эвакуировать под Сталинград, в город Камышин. Представляешь, в чём стояли, в том и эвакуировались. В Камышине был эвакуогоспиталь, куда свозили раненных солдат с фронта. Я отказывалась, просила, чтоб меня отпустили в Одессу, умоляла, плакала. Но меня не отпускали, да и Жорж был против. Его не забрали на фронт из-за тромбофлебита. Сказали, что он будет только обузой на войне. А четырёх парней из нашей труппы сразу же отправили на фронт. И труппа поредела. Директор категорически запретил мне ехать в Одессу. Тем более что все поезда шли только на восток. Да и заменить меня было не кем. А главное – приказ есть приказ – военное время. В Камышине по сводкам узнавали о ходе войны. Спектакли не играли, мужиков не хватало, просто сделали концертную программу. С ужасом услышали, что Одессу заняли немцы. Это известие я не забуду никогда в жизни. Мы тогда давали концерт раненым в одной из палаток госпиталя. Эти брезентовые палатки стояли прямо в степи, а между ними на столбах висели громкоговорители. Когда они давали сводку, все замирали, чтоб не пропустить ни единого слова. Так было и в этот раз. Шёл мой номер, я пела "Хустынку", когда включилась сводка. Я остановилась на полуслове, аккордеонист тоже. Дальше ничего не помню. Мне потом сказали, что я рухнула прямо на подмостки, как только услышала, что Одессу захватили немцы. Меня оттащили за кулисы, а концерт продолжался. С тех пор каждый раз, когда я пела "Хустынку", останавливалась в том же месте. Мне было очень стыдно перед ранеными, но они меня прощали, аплодировали, кто как мог. Вася, аккомпаниатор мой, его не взяли из-за астмы, посоветовал закрепить эту паузу, чтоб я проглотила ком и набрала воздуха побольше, вроде это такая эмоция. И что странно, как только мы решили закрепить паузу, в следующем концерте у меня пошло всё нормально. Там и так переживаний было через край. Мамочка, если б ты видела этих израненных бойцов! Нет, не буду вспоминать, это невозможно описать словами. Нет. Потом как-нибудь... – мама надолго замолчала, уставясь в одну точку.

– Да что ж я про себя, да про себя? Вы-то как выжили? Где вы находились, когда бомбили наш дом?

РАССКАЗ БАБУНИ

– Ну, шо тебе сказать? – Бабуня задумалась, громко вздохнула, – Когда вы уехали работать у той Кировоград, хто ж знал, шо будет война! Ты ж помнишь, Ветуня только научилась ходить. Я, слава богу, была в отпуске. Собиралась поехать до брата в Овидиополь. Там же ж у него своё хозяйство, пасека. Думала, шо хорошо отдохнём, и скоро вы приедете в отпуск. Решила пойти на Привоз купить продуктов на дорогу та гостинцев для брата. Ветуню хотела оставить на соседку, ну Галя, помнишь, справа от нашей квартиры. Пришла до неё, прошу, щоб посидела с Ветуней, пока я сбегаю на Привоз. А она в панике руками на меня трясёт:

– Та какой там Привоз! Ты шо, не знаешь? Немцы напали на нашу страну.

– Как напали? – спрашиваю, – Какие ещё немцы?

– Та Германия объявила нам войну сегодня в четыре утра. Ты шо, радио не слушаешь? У полдень и объявили...

– А я ж его по утрам нэ включаю, шоб дитё не разбудить. Ну и шо теперь?

– Шо, шо? Тикать надо. Ты подывысь, шо делается на улице. Уже все евреи поехали целыми мишпухами та з бебехами на вокзал. Усе двойки трещать по швам. А они не дураки, они всё знают наперод. Нэ знаю, как ты доедешь на двойке до Привоза...

– Вот так я узнала, Лидочка, шо началась война. Многие, конечно, были в панике, уезжали. Кто к родственникам, кто ещё куда, не знаю. Целыми производствами вакуировались. А нам куды? Я в порт, на работу побежала. Був бы живой твой батько, он бы всё решил. На фронт его б не взяли из-за того менингита. Дурень такой, царство ему небесное, выбегал потный на палубу с кочегарки проветриться. Вот и проветрился на той свет. Так вот, Лидонька – в порт нэ пробратсья. Народ стояв по всему Таможенному спуску до самой Пушкинской. С вещами, с дитями. Усих пытаю, шо воно и як. Нихто ничего нэ знае. Один какой-то мужик бигав по очереди и спрашивал, у кого есть пьять тысяч. Мол, можно дать взятку за пропуск на судно, шо вечером отчалить у Крым. Растерялася жутко. Ехать до брата в Овидиополь, чи не ехать? А тут же всех вакуируют. Главный ужас был, шо мы ничего не знали про вас. Слухи были усякие. А когда уже стали бомбить нас, ну то есть Одессу, всё думаю, конец нам пришёл. Усех мужчин призвали на фронт. Шо делать, с кем советоваться? Каждый за себя. Побежала на Привоз искать Василя, твоего батьки друга, цыгана этого. Он же ж всегда шлялся по Привозу, по своим биндюжным делам. Нашла сразу. Так он мне говорит: – "Ты, Домка, собирайся с дитём, та я вас у катакомбах спрячу, бо если немцы займут Одессу, то вам не жисть. Твой Петро был же ж коммунистом, а немцы – усе капиталисты. Коммунистов под расстрел. Ты жена коммуниста". "А как они знают, хто коммунист?" – спрашиваю. "Та мало сволочей? Донесут, шоб свою шкуру спасти". Ну и нагнал он на меня страху. Решила с ним договориться, шоб идти в катакомбы. Вообще слухи ходили, шо война очень скоро кончится. Думаю, ничего, это не надовго, в революцию сколько пережили, потом голод этот проклятуций, а продолжаем жить. Вася сказав, шоб была готова завтра с утра. Шоб барахла багато нэ брала, самое необходимое на первое время. Ну и поплэндалась я додому, ноги подкашиваются, сердце стучить, як молоток, слёзы глотаю. Та не за себя, а за дытынку, за Ветуньку. Вона ж така малэсэнька, ничего нэ понимает. Она только-только заснула, когда я побежала Васю шукать. Пришла, она ещё не проснулась, слава богу. Стала собираться, всё из рук падает. Заснула у мешок нашу перину, вот эту, на которой ты сидишь, вот это одеяло, пару простыней, себе кое-что на смену, а главное – детские вещи. Пару мисок заснула в одеяло, казанок, две кружки. Сахар, соль, подсолнечное масло, гречка, рис. Вот кажись и усё. А, нет. Взяла ещё альбом с фотографиями и батькину финку японскую. Вот этот будильник. И знаешь, Лидочка, не утерпела, взяла ещё батькину флотскую складную тубаретку. Как она мне пригодилась! А помнишь, Петро перед смертью всегда хотел посидеть на ней? Так я ж её сохранила, он вона стоит в углу. Ну и ещё все документы за пазуху заснула. Вася приехал часов в пять утра. Стукае. А я ж даже не задремала. Всё думала, як хату оставить. Спустились у двор. А там стоит Васькина, ну помнишь, ота двуколка з битюгом. Он на ней до войны носился, як скаженный по городу. Ветуня сперва хныкала спросонку, а як побачила того битюга, то й замовкла. Васька впорый мужик – усё аккуратно поместил. А я хату запёрла, перекрестила, и мы поехали в катакомбы, на край города. Когда приехали на место, Васька сказав, шоб мы пока сидели в двуколке, а сам стал тягать наши вещи. Там такой крутой спуск до моря и тропочка совсем незаметная. Этот спуск весь зарос бурьяном и колючим диким барбарисом. Сверху видно, шо место безлюдное, ни одной хатки, и даже ни одной шаланды нема, ни на берегу, ни в море. Потом Вася повёл и нас по тропочке до входа в катакомбы. Это такая дырка в скале, як пещера. Примерно в середине обрыва, шо до верху, шо до низу – почти одинаково. У входа на камне сидела молодая женщина с грудным ребёнком, баюкала. А наши пожитки лежали рядом с ней. Вася спросил её про какого-то Мишу. Она

ответила, шо тот сейчас подойдёт. И действительно, скоро из пещеры вышел хромой мужчина, пожилой, в сером костюме. Вася сказав ему, шо я жена Петра Тимоша с внучкой. Тот улыбнулся мне и сказав, шо с Петром он ходил в кругосветку на "Трансбалте". Вася стал прощаться с нами. Если шо нужно будет, то связь через Михаила. И сиганув у верх по тропке с песней. Ты ж наверно помнишь, Лидочка, как они с батьком гарно пели на два голоса?

– Ещё бы! – ответила мама, – Василий же заставлял меня подпевать им. Помнишь их любимую – «Раскинулось море широко»? Как они плакали на словах: «Товарищ, я вахту не в силах стоять – сказал кочегар кочегару». Это он обнаружил у меня голос и надоумил поступать в консерваторию. Ну, мамочка, рассказывай, как же вы там устроились в этих катакомбах?

– Как-как? Як усе люди, шо там ховались. Миша сложил наше барахло у тачку, и мы пошли шукать себе место. Я ж ничего не знала, шо такое эти катакомбы. Ну, слухи были, шо это такие калидоры под Одессой, длиннющие, шо там блукають бандиты усякие, налётчики ховаються от милиции, контрабандисты. А оказывается, як сказав Миша, там выпиливали ракушечник та дома из него строили, шо мол, вся Одесса из этого ракушечника выстроена. Ну и повёл он меня по длиннющему калидору у глубь под землю. А там уже столько народу разместилось! Та усе по стенкам. Посередь проход, а у стенок – кровати, столы, тумбочки, тубаретки. На стенках висять карасиновые лампы та коптилки в жестянках от консервов. Ветуня стала тихонечко хныкать, вырываться назад. Пришлось узять её на руки. А вона така тяжёлая! И всё время просить: «Хочю до дому, хочю до дому». Такое впечатление, шо мы в преисподней. Воздух сырой, тяжёлый. Довго шли. Наконец Миша сказав: "Тут располагайтесь". И стал выгружать наши вещи у стенки. А рядом стоял большой стол. Мабуть с какой-то кухни, бо под ним полка. «Вот – говорит, – этот стол для тебя Василий сюды ночью доставил. В разобранном виде. Пацаны собрали, сбили гвоздями. Ты вещи на полке поместишь, а спать будете на столе, бо тут крысы бегают». Ещё рассказав, як добираться до города. Это пешком целый час до трамвая, ну и на трамвае до вокзала. Если шо дома забыла, то можно смотаться в город. Познакомься, говорит, с соседками, они всё знают. И ушёл.

И началась наша жисть с Ветуней в этих катакомбах.

Сперва я разложила усе вещи на полке под столом. На стол положила перину, у наволочку напихала Ветунину одёжу и своё кое-что. А она всё хныкала-хныкала, и стали глазки у неё слипаться. Я положила её на перину, и она сразу заснула. Села я на батькину тубаретку и стала думать, шо делать дальше. Во первых нужна карасиновая лампа, бо темно, от соседей свет доходит слабо. Потом же ж надо на чём-то варить еду, а примус та карасинку я не взяла, Вася не сказав про это. А как раз пришла соседка. Зажгла свою лампу. Мы познакомились, её зовут Ванда. Женщина примерно моего возраста, лет под пятьдесят. Тоже не захотела у вакуацию, решила ждать мужа и сына в Одессе, их же ж призвали на фронт. Мы с ней договорились, шо завтра поедем у город. Потом Ванда познакомила меня с пожилой женщиной Фросей, которая за продукты сидит с дитями пока мамки ездють у город. Выходили на воздух до ветру. В катакомбах нельзя, и так воздух поганный, спёртый. Пока Ветуня спала, я немного освоилась. Познакомилась ещё с некоторыми людьми. Один старик, бывший офицер с гражданской, инвалид с костылём, одолжил мне примус, шоб я сварила кашу Ветуне. Я сварила. Ванда дала пару ложек мёда для Ветуни. Геннадий Степанович, ну той инвалид, шо дав примус, тоже сел с нами кушать. Всё говорил про себя, шо у него жинка давно вмэрла. Родная сестра – хирург, её забрали на фронт, а дочка – бездетная, одинокая, осталась в городе в квартире. Хочет вакуироваться. Так до вечера мы и проговорили. А ночью мы слышали, як бомбили город. Усю ночь бомбили. К утру стихло, и мы с Вандой стали собираться. Оставила я Ветуню на Фросю. И пошли мы добираться до города. Нас было человек пять или шесть. До трамвая шли с полчаса. Довго ждали на конечной остановке. Думали уже, шо дэсь пути разбомбили. Но нет – прийшов трамвай. Благополучно доехали до вокзала. Правда, народу набилось у трамвай много. На вокзале разошлись у разные стороны. Ванде ж до Молдаванки,

а мне на Нарышкинский. Стала я ждать наш 2-й трамвай. Наслушалась в толпе разных слухов. Говорили, шо немецкая бомба попала на Греческую площадь, та усе дома там разбомбило. Есть раненные та погибшие. Представляешь, Лидочка, шо я пережила? Не стала ждать трамвая, та поплэндалась пешком. Думаю, посмотрю на Греческую, шо там такое. Дошла по Пушкинской до Бебеля, шоб там свернуть на Греческую. Но не дошла, бо везде патрули и не пускають далыше. Тогда я вышла по Бебеля на Красную Армию, на Преображенскую, то есть, и пошла прямо по ней. Там я всё-таки села на двойку, на Тираспольской. Еду, сердце колотится. Шо там з домом случилось за эту ночь, думаю. И представляешь мою радость! Дом наш стоит целый, нетронутый. Клавка, дворничка наша вышла из двора с метлой, як ни в чём не бывало. Поздоровкались, поговорили за Греческую. Я ж ей не говорю, шо ушла в катакомбы. Бо я ей не доверяю. Её Хведька, биндюжник, недавно с тюрьмы вышел. Хто знает, шо у него на уме? А вона стукачка. Вона ж знала, шо Петро коммунист. Вдруг наступит новый режим, вона ж знов стукать будеть. Така натура.

Отперла квартиру. А в хате темно, як у нас в катакомбе. Окна ж заставляли завешивать, шоб свет не было видно с улицы. Сняла с одного окна одеяло, ото коричневое, батькино. Постелила его на полу, та стала кидать на него всё, шо, думаю, пригодится у катакомбах. Простыни – две штуки остались, остальные, штук пять, я отнесла неделю назад у медпункт. Объявили, шо не хватает в больницах бинтов для раненных, которых привозили с фронта. Так просили у населения. Я отнесла почти новые. Стыдно ж отдавать на такое дело застиранные. Бушлат матросский батькин положила. Ото вещь! Сколько лет он в нём плавал! Потом у продразвёрстку в селе в нём ходил, прострелянный у двух местах, и ничего ему не сделалось. Бескозырку батькину. Знаешь, не сдержалась я, завернула в наволочку новый шивётовый кустюм Жоржа. Не смогла оставить, он его всего один раз и надел. А как он ему шёл! Твой полушубок из белки положила, шо ты из гастролей по Сибири привезла. А в мешок от картошки засунула примус, карасинку та карасиновую лампу. Весь карасин слила в бутылку. Шо-то ещё покидала в той мешок. Прости меня, Лида, столько оставила хороших, нужных вещей, с таким трудом нажитых. Но как же я их поташу – тяжко. Надеюсь, шо немцы не займут Одессу, та мы скоро вернёмся с тех катакомб. С большими трудностями, даже не буду говорить, добралася до катакомб. Как-то мы там все сдружилися, усе помогали друг другу. Ветуня освоилась, свыкла... А Одессу бомбили кажду ночь.

– Господи, мама, а что ж вы ели? Где доставали продукты? Не голодали?

– Та всякое было. Даже макуху ели. Ветуня очень любила ту макуху, просто требовала. За щёчку засунуть, та й сосёт як канахвету, пока макуха не размокнет. С чёрным ротиком всё бегала, пока не умоешь. Василий дважды, чи трижды привозил кое-что. Макароны, картошку, глэчик смальца как-то привёз. Надовго хватило того смальца. Заботился в память о друге своём. Ты ж помнишь, як они по бабам бегали. Только Петро с рейса – Васька тут як тут. Наверно в порт наведывался узнавать, когда "Трансбалт" причалить. А тот, дурень, царство ему небесное, и рад. Ты ещё малэнька була. Не помнишь, як я убывалася та страдала. Так вот, приехал как-то Вася, разговариваем, а он морду свою отворачивает от меня. Я пытаю его, шо случилось. А он мене: – "Нема больше, Домочка, вашего дома, бомба попала в него". Так вместо того, шоб переживать за дом, я стала цилувать Ваську, благодарить, шо он спас нас. Без него, ты ж понимаешь, нас бы уже не было в живых. А на следующий день немцы та румины заняли Одессу. Всего до октября продержалася наша Одесса. Первым долгом немцы унистожили почти усе евреев, которые не успели вакуироваться. И шо воны на тех евреев имеют? Позжигали их живьём, та у ямы закопали. И потёк народ у наши катакомбы. Это те, хто не успел у вакуацию, та у которых дома разбомбили.

А Ванда, зараза оказалась. Не то шоб совсем зараза, а просто подпольная спекулянтка. Оказывается, спала вона на карасине.

– Прямо в керосине, что-ли? – не поняла мама.

– Та не, Лидочка. У неё была чугунная ванна полная карасина. На той ванне лежала большая дубовая дверь. И уже на ту дверь она ложилась. Та выменивала той карасин на всё. Её муж до войны работал продавцом в карасиновом ларьке на Молдаванке. Его забрали на фронт, а она, не знаю точно, но вроде бы скупила той карасин, та бидонами натаскала у ту ванну. И тайно продавала, чи выменивала на дорогие вещи та на продукты. Вроде с одной стороны помогала нам, но драла за той карасин тры шкуры. Надо отдать ей должное, шо она давала в долг. И я ей благодарная за Ветуню. Когда наступила зима, Ветуня простудилась, та заболела ангиной. Уся горела с температуры. Хрипела страшно и была без сознания. Я уже прощалась с ней. Так шо сделала Ванда? Надёргала с одеяла вату, намотала на карандаш, умакнула у карасин. Потом заставила меня, щоб я держала Ветунин рот открытым, и засунула ей в горло той карандаш с карасином. Помазала, значить, гланды. И шо ж ты думаешь? Утром температура спала, бедное дитё открыло глазки, занявкало, пить попросило. Правда, горло у неё болело, но болело, уже не от ангины, а от того, шо был ожог у горле. Ожог я вылечила быстро. И знаешь чем? Помнишь, батько принёс як-то баночку с китовым жиром? Он лет пять стояв у нас на полке, усё хотела выкинуть. Нюхала, нюхала его, а он не портится. На всякий случай захватила. А Ванда за лечение взяла шивётовый кустюм Жоржа. Та я б готова была усё отдать за то лечение. Я ж неграмотная. Как я могла знать за той карасин, шо он так лечить? А Ванда всё знала, зараза, прости господи и царство ей небесное.

– Умерла что ли? – ужаснулась мама.

– Та не-е.. Как-то ушла ночью на промыслы, та й не вернулася. Она часто таскала меня с собой на эти промыслы. Так она называла наши вылазки у город. Мы с ней рыскали по базарам, по дворам, по развалкам. Всё шукали там, где шо плохо лежить. Бо як стали хозяйничать в городе румины, жисть там стала просто кипеть. Работали магазины, базары, даже рестораны. Призывали население не прятаться, выходить наружу, устраиваться на работу. Можно было занимать пустые квартиры. Было это, конечно соблазнительно, та я довго думала, шо мне сказав Василь. Я жена коммуниста! Понимаешь? Вдруг хто донесёт руминам, тогда капут нам с Ветуней будет. Ликвидируют вместе с евреями. Та и Ванда сумлевалась. Никому она не верила, а тем более врагу. Так вот, Лидочка, когда Ванда не вернулася – день, два, тры, я ждала её, стерегла её вещи та карасин. Усе ж ходять до неё за карасином, а я не знаю, шо сказать. И отпускать чужой товар не могу. Через пять а то и шесть дней, не помню, прыйшов Михаил, и сказав, шо Ванду повесили румины, и висить она на виселице на Тираспольской площади. Я пытаю его, шо делать с карасином. А он мне: – С каким карасином? – Та с этим, шо у ванне, – говорю. Он так ругався. Сказав, шо тут его держать запрещено, и так воздуха мало. Вдруг пожар. А вечером пришли тры пацана, та й кудысь утащили ту ванну. Зато на её место поставили железную бочку с водой. А я и рада була, бо с водой было очень плохо. Я подозревала, шо Миша та усе мужики и пацаны вроде як партизанский отряд, но не показывала виду. А один раз Миша поручил мне задание, щоб я отнесла в город записку по адресу. Шоб положила ту записку под камень на развалке, бо дом по тому адресу был разрушен. Нарисовал обгорелый камень и где он лежить. Я всё запомнила и пошла. Вышла в шесть утра, а до адреса добиралась часа четыре. Там на развалке игрались пацаны, ну совсем дети. Ой, довго ж я ждала, пока они разбегутся! Делала вид, шо шось шукаю, ну какие-нибудь вещи, а той камень не спускаю с глаз. Как то удалось незаметно сунуть записку под камень. А руки и ноги трясутся, як в параличе. Смылася я с той развалки, перехрыстылася, шо всё удачно прошло. Как же ж меня Михаил дякував! Сказав, шо из меня хорошая партизанка получилась, бо та записка сыграла свою роль в борьбе с оккупантами. Выдав даже мне паёк кукурузной мукой. Я сразу поставила мамалыгу варить.

После этого случая захотелось мне, Лидочка, наверх, у город. Увидела я, шо люди там как-то живут, приспособились к новому режиму. Захотелось сонэчка, воздуха. Та не для себя, а для Ветуни. Шо она видит под камнем? Она ж расти должна. Считай два года с лишним мы

в катакомбах. Хорошо летом мы шлёндрали по садочкам, собирали хрукты – черешню, абрикосы, яблоки, ну где шо оставалось на деревьях. Сливы, груши. Тыкву раз нашли на чийём-то огороде. Еле допёрли. Щастя нам було богато, вона ж сладэнька-а, та з мамалыгою! О-ой. Ну, ещё Михаил делился бычками та скумбрийкою. У него рыбалка была хорошо налажена з пацанами. А зимой было очень трудно с питанием. И ота думка, шоб перебраться з катакомб у город, зыдала меня кажну божу ночь. Обратилась за советом к Михаилу, шо за-ради дытыны хочу уйти в город. Он сказав, шо есть один двор, где румины могут меня зарегистрировать, шо нужно будет найти какую-нибудь работу, бо без марок я не проживу с дитём. Он, конечно, имел свой интерес, бо той двор находился рядом с той развалкой, куда я носила записку. Так и шо я тебе скажу, Лидочка, вот это он и есть – двор, где мы зараз живём.

– Как же ты, мамочка, перебиралась оттуда, с вещами, с Веточкой? Тебе кто-нибудь помог?

– Или! – с гордостью ответила Бабуня. – Я ж считай, была уже партизанка. Мине пацаны постепенно на тачке перетаскали моё майно.

– Мама, а нельзя было найти что-нибудь посветлее, вон у тебя глаза слезятся. Это ж страшное напряжение жить в такой темноте.

– Э-э, Лидочка, тут ты кругом неправая. Ты не поняла моей хитрости. Я верила, як нихто, шо наши победять немца, шо все вакуированные вернуться у свои квартиры. А их квартиры позанятые? Ну, я и поставила себя на их место. Думаю, после войны власти справедливо разберутся, и мы будем иметь заместо разрушенной квартиры другую, такую же як наша. Зря мы, чи шо, социализм строили? Подумала, шо я буду с этого иметь? Сплошной гембель. Вот и выбрала эту квартиру. Незаманчивую. Зачем брать позорный гембель на свою голову? Я ж потом со стыда сгорю, шо польстилася на чужое жильё! Я ж не мародёрка какая-то. Помнишь, як батько лупцював тебя, когда ты лазила за канахветами в его шухляду? Всё приговаривал – "честным быть – счастливо жить, а воровать – в застенке гнить". Так коммунисты проповедовали. Так шо ж я предам батькову память? А на эту конуру нихто не позарыться. Ну, правда, же ж?

– Да, ты права, – с грустью ответила мама.

– И знаешь, доця, як я оказалась правая! Як только Одессу освободили, евреи, як тараканы из щелей повылазлы. Конечно, слава богу, шо какие-то спаслись. Где они скрывались, бедолаги, нияк не пойму. В наших катакомбах их не было. Може дэсь по хуторам прятались, а може люди добрые их под кроватями прятали. Он Муська з нашего двора усю оккупацию прятала своего хахалю, Аркашку пианиста. У неё в стенке была глубокая ниша, она её гуцульской капёртой завесила, и держала его у той нише усю оккупацию. А он такой поц малахольный оказався. У него ж ещё и жинка була з трёхлетним сыном, но где она скрывалась – нихто не знае. Теперь она з сыном откудова-то появилась, он бросил Муську, они вернулись у свою родную квартиру, благо паспорта с пропиской сохранили, и живут себе счастливо. А Муська – дура, теперь локти себе кусать. Вот нужно отдать должное евреям – они своих жинок не бросают.... Ну шо, Лида, фатить, ещё наговоримся, надо поспать трошки, он у тебя глаза слипаются. А мине з самого ранку надо на Привоз.

Теперь, когда я вспоминаю ту ночь, я понимаю, что Бабуня была честным и благородным человеком. Она так всю свою жизнь и прожила в той тёмной, холодной, неудобной квартирке. Не посмела просить у советской власти, чтоб её переселили в более подходящее жилище. Кто она? Неграмотная, простая одинокая женщина из крестьян. Ни читать, ни писать не умела. Во всех документах вместо подписи ставила крестик. Когда мы выбрались из катакомб, она не стала работать на румын. Ходила по дворам и нанималась к успешным людям – к кому-то прачкой, кому-то белила потолки и стены, а кому-то и обеды готовила. Да и Михаил не оставлял её – поручал мелкие партизанские дела. Так мы и протянули до освобождения Одессы.

ВЕРБЛЮДЫ

Всю ночь слышался грохот взрывов. Всё ближе и громче. Бабуня прижимала меня к своей груди, гладила по головке и приговаривала:

– Спы, дытынко, спы, ничего не бойся. Може с богом пронесётся.

А утром я проснулась от других звуков. Доносились крики толпы, как на Привозе в базарный день. Но страха не было. Наоборот, какое-то неожиданно радостное пробуждение и любопытство. Бабуня, как обычно куда-то ушла, но все двери открыты настежь. Я слезла с кровати и побежала в коридор. Широкое окно коридора, снаружи обвитое диким виноградом, пропускало зайчики солнышка. Пол коридора был мокрым. Значит Бабуня его только что помыла. Я осторожно добралась до распахнутой двери, выглянула во двор. Двор был пуст – ни детей, ни взрослых. Даже Жулик, который каждое утро ждал меня у крыльца, отсутствовал. А из арки подъезда раздавались крики толпы:

– Ура! Ура!

Босиком, в одних трусиках, я побежала через длинный подъезд на улицу и остановилась в недоумении. Передо мной тесной стеной вдоль тротуара стояли люди. Они размахивали руками, кричали, смеялись, плакали. Их возгласы и жесты были направлены в сторону мостовой. Люди стояли очень тесно. Я никак не могла разглядеть, чему они так радуются. Опустившись на коленки, я проползла между ног людей к бровке тротуара, подняла голову и... застыла от страха. Передо мной по мостовой, прямо по трамвайным рельсам, медленно двигалось огромное чудовище, тощее, на длинных ногах, с длинной шеей, выпученными глазами. К бокам прилипли лохмотья свалявшейся шерсти. Из пасти чудовища свисала длинная сопля, она моталась из стороны в сторону и не обрывалась. Меня охватил ужас! Но подняв свой взгляд выше, я увидела смеющегося и орущего «ура», дядьку. Он сидел верхом на этом чудовище. На голове дядьки выгоревшая пилотка, на спине скрученная валиком серая шинель и потрёпанный рюкзак с котелком, на плече винтовка. Лицо дядьки было чёрным от пыли, только белоснежные зубы сверкали улыбкой. Следом за первым чудовищем шло другое, такое же. И на нём тоже дядька. И тоже смеялся и орал. Толпа, стоящая сзади меня, бросала им тюльпаны. Они пытались поймать цветы, но не всегда это удавалось, цветы падали мимо на мостовую. Люди подбегали, подбирали цветы и бросали обратно дядечкам. Следом за чудовищами маршировали колонны таких же дядечек – грязных, усталых, с чёрными лицами и сверкающими зубами. Их пыльные сапоги громко стучали по каменной мостовой. Я сидела на бровке и босыми ножками отбивала этот незнакомый ритм. Бум-бум! Бум-бум! Из возгласов людей я стала понимать, что это идут бойцы, освободившие Одессу, а чудовищ, что так меня напугали, люди называли верблюдами.

Вечером грохотал салют. От звуков ракет, несущихся в небо и расцветающих там огромными, сверкающими букетами, мой Жулик спрятался под крыльцо и визжал, как недорезанный. Весь день во дворе раздавались возгласы восторга. Смех не прекращался ни на минуту. Соседи обнимались, целовались, поздравляли друг друга. Посреди двора, под абрикосовым деревом стоял стол, за которым сидели наши соседи, в основном женщины со своими детьми, пели песни, плакали счастливыми слезами.

– Ну, всё! Немцу капут, – то и дело слышалось со всех концов двора.

ССОРА С МАМОЙ

Я больше не была сиротой – у меня появилась мама. Но что-то стояло между нами. Я будто стеснялась её, наблюдала за ней из под лобья, пряталась за Бабуниной юбкой и глупо хихикала, когда мама пыталась притянуть меня к себе. Отталкивала её, пряталась под столом или убегала во двор. Во дворе я тоже не находила себе места, не играла с детьми в наши обычные игры, сидела на крыльце, как пришибленная, прижимая к себе ласкового Жулика. Спала только рядом с Бабуней. Мама от этого нервничала, иногда даже раздражалась. Говорила что я неласковая девочка, не люблю её, а она так скучала по мне, так ждала встречи со мной. Про-

сила поговорить с ней, рассказать что-нибудь о себе. Но я всё время молчала, опустив глаза. Самым страшным было для меня, когда Бабуня уходила из дому, и мы с мамой оставались наедине. Однажды она силой привлекла меня к себе, уткнулась в мою стриженую макушку, вдохнула воздух и строго сказала, что я воняю псиной, и чтоб этого блохастого Жулика она больше не видела даже рядом со мной. Я заревела, стала бить её кулаками в грудь, вырвалась из её рук, и со злостью закричала:

– Ты поганая мама! Уезжай в свой Эшхабат! Шоб ноги твоей здесь больше не было! – и убежала во двор искать своего Жулика.

Когда Бабуня вернулась, мама ей рассказала о нашей ссоре. Потом они долго меня искали и никак не могли найти, потому что я спряталась за ящиками с разным хламом под лестницей парадной. Я долго сидела там, скрючившись в три погибели, прижимая к груди своего ненаглядного Жулика. Я шептала ему ласковые слова, я обещала ему, что никогда его не брошу, что мы спрячемся в катакомбах, и нас никто не найдёт. Жулик благодарно облизывал мои заплаканные глаза в ответ на мои обещания. Над нами по лестнице топали соседи, обсуждая моё исчезновение. Я слышала, как тётя Рива кричала Бабуне во дворе:

– Мадам Тимош, та не переживайте вы сразу два раза – счас и если дитё не найдётся. Лучше один раз, когда точно уже не найдётся. А если найдётся, я таки уверена, шо найдётся, то получится, шо вы аж два раза переживали задаром!

В темноте под лестницей мы с Жуликом незаметно уснули. А к вечеру нас всё-таки нашли. Жулик проснулся, загавкал. Я пыталась зажать ему пасть. Тогда он громко заскулил и выдал нас. Бабуня принесла меня в дом и уложила на кровать. Я крепко обняла Бабуню за шею и сказала:

– Никогда не уходи без меня, а то я умру совсем.

– Не бойся, я никуды не денуся. Спи моя рибочка, спи, моя цапачка.

– Бабунька, почухай мне спиночку, бо я разнервничалась.

Бабуня гладила меня по головке, чесала шершавыми пальцами мою спинку и тоненько пела про козу-дерезу.

– Ты, Лидочка, не волнуйся. Нужно ж время, шоб дытына привыкла. Вона ж тебя совсем не помнит. Имей терпение, и вона тебя полюбит, – утешала Бабуня маму. – Ты лучше скажи, шо это Жорж мовчить? Ты ж уже с неделю як дала ему наш новый адрес в телеграмме. Може у него якась другая завелась, а ты скрываешь от меня? Може телеграмма не дошла, чи вы погыркались?

– Нет, мама, не выдумывай. Просто театр ещё в пути, и пока ещё нечего сообщать. Вот приедут на место....

– На какое место? Разве они едут не в Одессу? – всполошилась Бабуня.

– Да, мамочка, не в Одессу. Просто слухи разные ходили, вот я и брякнула тебе, не хотела заранее огорчать. Тут же есть музкомедия. Я думаю, что два музыкальных театра в одном городе слишком жирно. Так что скорей всего поедem в Кировоград. Мы там были на гастролях как раз перед войной.

– Та знаю я той Кировоград! Чула про него. Не далёко. Он же ж раньше був Елисаветградом. Да?

– Да. Там прекрасный зритель с культурными традициями. Там бывали Адам Мицкевич, Мусоргский, Ференц Лист...

– И шо за такие люди важные? Усе евреи? – спросила Бабуня.

– Да нет, мама, при чём тут евреи? Конечно, тебе эти имена ничего не говорят, а весь мир их знает. Даже Пушкин был два раза в Кировограде, то есть ещё в Елисаветграде.

– Ото той каменный Пушкин, шо на Приморском бульваре стоит? – удивилась Бабуня.

– Той, той! – рассмеялась мама.

Я сквозь сон слушала этот разговор, и подсознательно чувствовала свою причастность к чему-то важному и неизвестному.

– Так что, мама, скоро мы с Ветуней уедем в Кировоград, – печально сказала мама.

– Никуда я не поеду! – закричала я истошным голосом, а потом заревела басом, – Я буду жить с Бабуней и с Жуликом, а ты ехай сама у свой град!

Со мной случилась истерика. Я повалилась на пол, кричала, захлёбывалась рыданиями, билась ногами об пол, кусала за руки Бабуню, которая пыталась поднять меня. А мама в ужасе наблюдала эту сцену. Потом она схватила ведро с водой и вылила его целиком на меня. Я с ненавистью выпучила на неё глаза и замолчала. Бабуня стала вытирать меня полотенцем, потом закутала в одеяло и уложила на кровать.

По-моему в этот вечер мы не сказали друг другу больше ни слова. А я замолчала вообще надолго.

ОТЪЕЗД В КИРОВОГРАД

Дня через три пришла телеграмма. Маму вызывали на работу в Кировоград. Просили телеграфировать о дне приезда, чтоб встретить. Бабуня с мамой поехали на вокзал за билетами. Из их разговора я поняла, что Бабуня тоже едет. Это меня немного успокоило, но я всё равно молчала. Собираясь в дорогу, они о чём-то шептались, но я ничего не могла разобрать. Бабуня была со мной очень ласкова; то погладит по головке, то нежно прижмёт к себе и поцелует. Поглядывала на меня как-то особенно. Принесла мне стакан моих любимых рачков с Привоза.

– Кушай, Ветунечка, у Кировограде их не будет, там моря нема.

Я не догадывалась, что Бабуня прощается со мной.

На вокзал мы поехали вместе. Вместе расселись в общем вагоне. Я держалась за Бабунину юбку как обычно. Она всегда заставляла меня крепко держаться за её юбку, когда мы находились в людных местах. Её руки вечно были чем-то заняты, и я могла потеряться. Она таскала с собой какие-то кошёлки, торбы на всякий случай. Пока поезд не тронулся, я смотрела в окно на перрон. Под самым окном стояла баба, предлагая горячие пирожки.

– Ветунечка, хочешь пирожка с повидлом, шо тётя продаёт? – как-то чересчур ласково спросила Бабуня. Я кивнула.

– Зараз я быстренько сбегаю и куплю нам в дорогу, – залопотала Бабуня, и не успела я схватить её за юбку, как её ветром сдуло.

В этот момент что-то заскрежетало, поезд сильно дёрнулся, загудел и медленно пошёл. Я посмотрела на маму. Она сидела рядом с непроницаемым лицом.

– Ну, всё, поехали, слава богу, – весело сказала тётя, сидящая рядом с мамой.

Я, прижавшись лбом к стеклу вагонного окна, скосила глаза на странно уплывающую от меня Бабуню. Она покупала у тёти пирожки. В поезде я оказалась впервые и не знала, что в идущий поезд войти невозможно. Когда Бабуня исчезла из виду, я с тревогой стала смотреть в проход между боковыми и нашими полками. Поезд набирал скорость, а Бабуни с пирожками всё не было и не было.

– Бабуначка-а, – тихо проскулила я.

– Та всё, осталась твоя бабуначка на перроне, – весело сказала наша соседка.

– Осталась? Я ж без неё не поеду, – растерянно промямлила я, и стала протискиваться между ног, сидящих напротив людей. Мама схватила меня, пыталась усадить к себе на колени, но я вырывалась и кричала:

– Пусти, пусти, я хочу к Бабуне! Я не поеду с тобой, я хочу додому, до Бабуни и до Жулика! – орала я, начиная догадываться, что меня обманули, что Бабуня осталась в Одессе, а я с мамой уезжаю от неё всё дальше и дальше.

Потом мама силой усадила меня на место у окошка и сказала строго:

– Ничего не поделаешь, Ветуня. Бабуня отстала от поезда из-за твоих пирожков. Она обязательно догонит нас другим поездом. Вот сейчас она пойдёт к начальнику вокзала, расскажет, что у неё в поезде осталась маленькая внучка. Ей дадут билет на другой поезд, который тоже едет в Кировоград. Завтра мы её встретим, и вы опять будете вместе. А пока нужно набраться терпения и подождать.

Я сидела, набычившись, из-под лобья смотрела в окно. За окном вдоль железной дороги вместе с вагоном бежали кусты, а за ними простиралась зелёная степь. В траве мелькали лиловые и жёлтые цветы. Простор за окном и красота незнакомых цветов отвлекли меня, и я немного успокоилась. А потом и вовсе заснула. Проснулась от запаха чего-то очень вкусного. Открыв глаза, я увидела на столике передо мной разную еду, разложенную на мятой газете. Там лежали куски хлеба, порезанное сало, солёные огурцы, зелёный лук и ещё какие-то тёмно-коричневые кругляшки. Наверно это и пахло так приятно. Молодой дядя в гимнастёрке, сидящий напротив меня, с аппетитом жевал кругляшки и похрустывал солёным огурцом с луком. Рядом со мной прикорнула мама, облокотившись о стенку. Я устала на дядю, глотая слюнки. Вдруг он подмигнул мне и сказал:

– Угощайся, мамзель, небось голодная.

Я не поняла, что такое «небось», а мамзелью меня часто называли взрослые дяди на Привозе, когда шутили. Смущаясь, протянула руку и двумя пальцами взяла кругляшок. Понюхала его и засунула в рот.

– Любишь кровяную колбаску? – спросил дядя.

– Очень люблю, я всегда её кушаю, – соврала я от смущения, так как колбаска была даже вкуснее моих любимых рачков.

– Тогда бери ещё, не стесняйся. Тебя как зовут?

– Вообще Света.

– Почему вообще, а на самом деле как?

– А на самом деле я Ветуня, бо так Бабуня меня называет.

– Значит наоборот – вообще Ветуня, а на самом деле – Света.

– А вы кто?

– Я – Константин.

– На самом деле?

– Да. А вообще просто Костя. Будем знакомы, – и дядя протянул мне руку.

– Будем, – я вытерла свою руку о живот и протянула дяде, – только вы дядя Костя.

– Ладно. Меня ещё никто не называл дядей. В полку я был самый младший солдат.

– Так может ты и Одессу брал? – спросила весёлая тётя, приоткрыв глаза.

– Освобождал. Берут чужие города, – с гордостью ответил дядя Костя, – Только меня ранило осколком в бедро. Месяц провалялся в госпитале. Хорошо, что кость не задело, повезло. Три дня дали отпуска по ранению. Еду к тётке в Помошную.

– А что ж не к мамке? – допытывалась весёлая тётя.

– А мама под Тулой, долго добираться. Не успею. Надо дальше гнать фашиста и брать Берлин.

– Сколько ж тебе лет? – не унималась тётя.

– Двадцать в сентябре стукнет.

– Дядя Костя, а вы тех вердлюдов видели, которые по нашей улице шли? – спросила я.

– А как же, я их даже один раз поил из ведра. Только не вердлюдов, а вер-б-людов – засмеялся дядя Костя.

– Они злые? Кусаются?

– Не кусаются, но плюются, если им что-то не понравится.

– Ветуня, не надоедай дяде Косте, он уже устал от твоих вопросов, – подала голос мама.

Действительно, я ещё ни с кем так долго не разговаривала. После жизни в катакомбах я могла свободно общаться только с Бабуней и детьми во дворе. На вопросы взрослых не отвечала, опускала глаза и глупо улыбалась. Иногда на моё молчание люди раздражались и называли меня дикаркой. А один дядька, угостив меня леденцом, даже назвал меня немой: – Ты шо, немая? – спросил он. – Надо сказать – спасибо.

После этого случая Бабуня долго воспитывала меня. Учила говорить «спасибо» и вежливо отвечать на вопросы взрослых. Но это мало помогало. Я стала ещё более зажатой, и вообще перестала улыбаться при общении с незнакомыми людьми. Мне очень хотелось быть другой, но я никак не могла преодолеть барьер, стоящий между мной и незнакомым человеком. А с дядей Костей всё произошло само собой, как будто я давно была с ним знакома. Мне очень хотелось продолжать с ним беседу, но мама помешала, и опять барьер преградил мне путь к общению. Я отвернулась к окну и насупилась. За окном была ночь.

– Не дуйся, Веточка. Дома я всё расскажу тебе про верблюдов. В Туркмении я видела этих животных, и даже видела, как они плюются. А сейчас нужно всем отдыхать, – мама прижала меня к себе и поцеловала в лобик. Впервые за этот день я не оттолкнула её. Думаю, что я не хотела демонстрировать перед Костей наш конфликт с мамой. – Мы сейчас попьем молочка и будем спать.

Мама вытащила из рюкзака бутылку с молоком, налила в кружку, отрезала от буханки хлеба толстую корку, посыпала её сахаром и дала мне. Я с удовольствием поела. После меня поела и мама. Вдруг стало совсем темно. Лампочка, слабо освещавшая наше купе, погасла. Мама положила мою голову к себе на колени, поцеловала в макушку и ласково прошептала: – Спи, донечка, всё у нас будет хорошо.

Под стук колёс и протяжные гудки паровоза я быстро заснула. Мне приснился Жулик. Я бежала за ним, пыталась догнать, но мои ноги не слушались, а Жулик убегал от меня всё дальше и дальше. Я кричала ему вслед, чтоб он вернулся. Но Жулик превратился в рыжую точку и исчез. Потом снилась Бабуня, она улыбалась мне беззубым ртом и говорила, чтоб я не переживала, что скоро она приедет и купит мне совсем другие пирожки, вкусные, с мясом.

Проснувшись от сильных толчков, наш вагон дёргался то вперёд, то назад, и никак не мог тронуться с места. Протерев глаза, я увидела, что никто уже не спит, а в окошко светит солнышко. Кости на месте не было. Мне это не понравилось.

– А где дядя Костя? – с тревогой спросила я маму.

– Так это ж Помошная, он вышел. Приехал значит, – вместо мамы ответила весёлая тётя. – И долго мы будем тут стоять, интересно?

– Я думаю, шо нам меняют паровоз. Вот когда поменяют, тогда и тронемся, – ответил ей старик, сидящий напротив неё.

Мама опять налила мне молока, дала хлеба с сахаром. Пока я ела, она куда-то отлучилась. А когда пришла, то сказала, что стоять будем долго, что ждём встречного, он опаздывает, и неизвестно, когда будет. Так что на пару часов можно выйти из вагона и погулять.

Помню, как мы гуляли по полю, рвали синие цветы, собирая их в букет. Мама называла их васильками, пела песню про них – «Всё васильки, васильки, сколько мелькает их в поле. Помню, до самой реки я собирал их для Оли». Возвращались другой дорогой, через искорёженные рельсы, торчащие из глубоких ям, заросших бурьяном. Мама говорила, что тут наверняка хозяйничали немцы, а наши самолёты дали им прикурить. Я смеялась, а мама объясняла, что «дать прикурить» – значит дать отпор, то есть – победить противника.

На станции мы купили у тёти два сырых яйца. Потом в вагоне мы их «выпили» с солью и хлебом.

ТЕАТР И ПАПА

Поезд тронулся только вечером, когда совсем стемнело. Разбудил нас хриплый голос проводника, орущий на весь вагон:

– Кировоград! Кому до Кировограда? Стоянка недовгая, дэсят хвылын. Выходьтэ быстро, бо поезд опаздуе на Знаменку.

– Ветунечка, скорей просыпайся, – толкала меня мама, – мы приехали, слава богу.

Поезд медленно подходил к вокзалу. В Кировограде выходило много народу. Все в панике столпились в проходе, ругались, толкали друг друга. Обвиняли проводника, что поздно разбудил. Я держала маму за юбку, и мы медленно продвигались к выходу. Наконец поезд с жутким скрежетом дёрнуло, и он остановился. Оказалось, что паника была напрасной. Все благополучно сошли с поезда. На перроне толпился народ. Мама поставила на землю чемодан, мешок, сняла рюкзак и растерянно оглянулась по сторонам.

– Ти-мош! Артистка Ти-мош! Тимош! – мужской голос орал на весь перрон откуда-то слева.

– Я! Тут, сюда! – срывающимся голосом закричала мама и стала размахивать руками.

Наконец к нам пробрался пожилой мужчина в клетчатой рубашке, с портфелем.

– Ты Тимош Лида? Артистка? – строго спросил он маму.

– Да я, актриса Лидия Тимош, – ответила мама. – А вы кто?

– Я главный администратор театра, Игорь Палыч, будем знакомы. Вторые сутки дежурю на вокзале. Это ваши вещи? Ну, пойдёмте, подвода подана.

Он взял рюкзак и чемодан, мама схватила мешок, и мы пошли за ним, в обход здания вокзала. Игорь Палыч посмотрел на часы.

– Ого, уже почти два часа ночи. А вы должны были приехать вчера утром. Тут до Одессы всего двенадцать часов.

– В Помошной долго стояли, – виновато сказала мама.

На улице за вокзалом было темно, но Игорь Палыч уверенно шёл впереди. Наконец мы подошли к подводе, и я увидела лошадь. А на подводе разглядела дядьку в брезентовом плаще с капюшоном.

– Мыкола, просыпайся, я их встретил. Поехали, – сказал Игорь Палыч, загружая наши вещи в подводу.

– Ото добрэ, бо вже съл нияких нема, – проворчал дядька в плаще.

Игорь Палыч помог нам залезть на подводу.

– Цоб-цобэ! – скомандовал дядька, и лошадь медленно пошла. Её копыта громко цокали по каменной мостовой и эхом разносились по пустынной улице. Облокотясь на маму, я смотрела в небо.... А на меня смотрела луна. Её огромное бледное лицо улыбалось. Маленькие звёздочки таинственно подмигивали мне. Лошадь шла очень медленно, а дядька в капюшоне ругал её и сильно стегал кнутом. Она всхрапывала, прибавляла шаг, но тут же замедляла его. Было очень жалко лошадку.

– Тпр-ру, уже стой, зараза. Злазьтэ, прибулы, – сказал дядька.

– Да, вот и театр. Извините, дамы, я, кажется, задремал. Больше суток не спал и опростоволосился перед вами, – сонным голосом произнёс Игорь Палыч.

Он спрыгнул с подводы и подал руку маме. Мама тоже спрыгнула на землю, взяла меня на руки, поставила рядом с собой и оглянулась на дом, у которого остановилась подвода. Уже светало, и можно было рассмотреть этот дом.

– Вот это да! – вскрикнула мама, – Ничего подобного я не ожидала. Это и есть наш театр? – мама громко, на всю улицу весело рассмеялась, – Мы были тут на гастролях до войны, но играли в помещении русского театра и по области. Даже город толком не рассмотрела. Надо же!

– Да, это наш замечательный театр. Когда я месяц назад приехал из Москвы, тоже был восхищён этим зданием. Тут бы оперу ставить, – с гордостью сказал Игорь Палыч.

– В городе хозяйничали немцы, и я ожидала увидеть руины. Это же просто чудо, что здание уцелело.

– Ну что ж, пошли на служебный вход, это там слева, со двора.

Он взял наши вещи, и они с мамой пошли. А я стояла, открыв рот перед этим красивым домом. Дом был с колоннами, а над ними широкий балкон с высокими окнами. Над балконом возвышался ещё один маленький домик с полукруглой крышей, уходящей в небо.

– Ветуня, ты где? Идём быстрее, – позвала мама.

Я стояла зачарованная, глядя себе под ноги. Как сейчас помню поразившую меня брусчатку, которая веерами расходилась из-под ног в разные стороны.

– А мы тут будем жить, в этом доме? – с надеждой спросила я.

– Пока тут, – ответил за маму Игорь Палыч, – Вы, Лида, возьмите ребёнка на руки, там за кулисами темно и декорации кое-как свалены. Завтра рабочие придут, разгребут. Осторожно идите за мной. А я с вещами впереди. Мама взяла меня на руки, и следом за ним вошла в тёмный коридор.

– Кто тут? – раздался из темноты сонный мужской голос.

– Спи, Лёня, спи. Это я, привёз артистку. Мы в красный уголок. Дай фонарь.

Зажёгся фонарь и осветил сонное лицо мужчины, сидящего на топчане. Он встал и прошёл по коридору к двери, противоположной той, в которую мы вошли. Потом передал фонарь Игорю Палычу.

– Только идите прямо через сцену, иначе не пройдёте, там всё завалено.

Игорь Палыч ногой толкнул дверь и исчез за ней. Мама, осторожно ступая, пошла за ним.

– А вот и сцена, тут светлее, на колосниках горит дежурная лампочка. Она пока одна на весь театр. Завтра будут монтировать электрику. Директор добился, чтоб театр подключили к электростанции, – глухо, как из глубокой ямы, раздавался голос Игоря Палыча.

Я вертела головой в разные стороны. Жуткий полумрак напомнил мне почти забытые катакомбы. Наконец мы оказались в огромном помещении с высоченным полосатым потолком, посреди которого тускло светила маленькая звёздочка.

– Шо это? – я показала пальчиком на полосатое небо с одной тусклой звездой.

– Это, Веточка, сцена. Самое главное место в театре. Тут я буду играть, – ответила мне мама.

Эти слова мне были непонятны тогда. Бабуня никогда не говорила таких слов. *Театр... Сцена...*

– И ты тут, в этой темноте будешь играть? Тут так жутко, как у катакомбах.

Мама остановилась посреди огромного мрачного пространства, прижала меня к себе и таинственно произнесла:

– Не играть, а *играть*. Это моя любимая работа, потому что я артистка. А посмотри туда, там сидят зрители. Они смотрят, как я играю. Внимательно слушают, иногда плачут, иногда смеются. И если я очень хорошо играю, то они аплодируют мне.

– Как это? Пладируют?

– Дружно хлопают в ладоши.

Я повернула голову в сторону, куда смотрела мама. Там ничего не было, там зияла бездна, чёрная-пречёрная пустота. От этой бездны, от этой чёрной пустоты закружилась голова. В тот момент мне почудилось, что эта чёрная и глубокая яма сейчас *заглотит меня навсегда*. И я подумала, что моя мама «самашечая артыска», как говорила Бабуня про одну странную тётю, живущую в дальнем углу нашего одесского двора. Эта тётя всегда была смешно одета, будто напялила на себя все свои вещи, а поверх них ещё накинула грязную ажурную скатерть. Несмотря на жару, она носила перчатки, а на животе болталась большая меховая муфта. Завидев кого-нибудь из детей, манила к себе пальцем и протягивала ребёнку конфету в красивом фантике. Если кто-то из нас подходил близко, она прятала конфету обратно в муфту, быстро

хватала ребёнка за плечо и шептала ему на ухо: «Давай играть, играть, играть! А потом конфета твоя. Хочешь?» Играть нам с ней не хотелось, а конфету хотелось. Однажды Борька выхватил у неё конфету и убежал. Она громко заплакала и ушла к себе. А конфета оказалась твёрдой и заплесневелой, есть её было невозможно. Даже Жулик не стал есть эту конфету – понюхал и с обидой отвернулся. А Бабуня сказала, что она "самашечая артыска, а канахвета довоенная".

– Что вы там застряли? – раздался голос Игоря Палыча, – Идите сюда, в эту дверь.

Мама опустила меня на пол, взяла за руку и повела в сторону, откуда доносился голос. Опять тёмный коридор, в конце которого светился фонарь. Игорь Палыч стоял у раскрытой двери.

– Вы пока поживёте тут, всего пару дней. Извините, что не успели привезти кровать. Георгий Игнатьевич сам должен был позаботиться. Так обещал, так обещал... Но, сами видите, в каком он состоянии. Это наш красный уголок. Там в углу матрасы. Так что располагайтесь пока на полу. А завтра всё решим. Может даже сразу на квартиру. Желающих пустить много, будете сами выбирать. Ну а я, извините, пока откланяюсь. Надо хоть пару часиков поспать. Дел по горло. Да, совсем забыл – на подоконнике стоит керосиновая лампа, она в вашем распоряжении. А фонарь я отнесу сторожу, – и он мгновенно исчез в темноте.

Какое-то время мы растерянно стояли в тёмном коридоре. Потом мама заглянула в комнату и тихо позвала:

– Жорж, Жорж, ты меня слышишь?

Из комнаты донёсся мужской храп и невнятное бормотание.

– Мама, кто там? Я не хочу туды, я боюсь, – прошептала я, дёргая маму за руку.

– Не бойся, Ветунечка, там твой папа. Он, наверное, ещё не проснулся, – и мама, распахнув широко дверь, решительно вошла в тёмную комнату.

Я на цыпочках пошла за ней. Сквозь широкое окно в комнату заглядывал слабый рассвет. Можно было рассмотреть только силуэт керосиновой лампы, стоящей на широком подоконнике. Мама подошла к окну, нашла на подоконнике спички, сняла стекло с лампы и дрожащими руками подожгла фитиль. Когда она накрыла фитиль стеклом, в комнате стало гораздо светлее. Я, наконец, всё разглядела. В комнате не было ни стола, ни стульев. В левом углу от окна на полу лежал свёрнутый матрас, рядом с ним большой раскрытый чемодан. В нём лежали какие-то грязные тряпки. Крышка чемодана была вся изодрана внутри. Слева на стене висел огромный портрет дяди с чёрными усами, в военной форме. В правом углу на сером матрасе лежал мужчина. Он лежал на спине, но лица не было видно, оно было прикрыто мятым вафельным полотенцем. Я посмотрела на маму. Она стояла посреди комнаты и пристально смотрела на спящего человека. Потом склонилась над ним и сразу же резко выпрямилась. Её глаза сверкали от слёз, но она не плакала. Она улыбалась. Её улыбка была злой.

– Слава богу, это конец. А я-то думаю, что ж это мой любящий супруг не встречает нас на вокзале! Он же так скучал по своей дочурке! – мама просто захлёбывалась от злости, казалось, её крик был слышен даже на улице.

Глядя на маму я всё поняла. В углу лежал мой папа по имени Жорж. Он был пьян.

Бабуня часто рисовала мне картину: закончится война, приедут мои дорогие папа Жорж и мама Лида, они обнимут меня, прижмут к сердцу, расцелуют свою ненаглядную донечку, привезут много подарков и конфет, купят красивое платье в горошек, лаковые туфельки как у Нилки, и поведут меня в Городской сад на Дерибасовскую кушать мороженое. Она так ярко нарисовала мне мою мечту, что я никогда не забывала о ней, и в самые печальные дни я, закрыв глаза, ясно представляла себе эту счастливую встречу.

Мама внесла в комнату наши вещи. Раздражённо раскинула матрас вдоль стены. Сняла с меня ботиночки и велела ложиться спать. Я послушно легла на плоский матрас. Потом она вытащила из рюкзака наши пальто и, свернув их, положила мне под голову. Легла рядом и

обняла меня. Засыпая, я ощущала нежное прикосновение её тёплой груди к моей спине. Это напомнило мне Бабуню, и я скоро уснула.

Утром проснулась от маминого крика.

– Где мои вещи? Где бельё, которое я собирала всю эвакуацию в Ашхабаде? Простыни, пододеяльники, наволочки. А подарки для Веточки, для мамы? Я запретила тебе даже открывать этот чемодан. Всё пропил, да?

Я лежала с закрытыми глазами, притворяясь спящей. Я боялась открыть глаза и посмотреть на человека, который находился здесь рядом, в этой комнате. Ведь мама кричала, обращаясь к нему. Но он молчал. Почему он молчит? Почему не оправдывается? Может, он не виноват, и мамины вещи ещё найдутся?

– Дойти до такой низости – пропить детские вещи! Ты не мужик! Настоящие мужики кровь свою проливали, жизнь отдавали на фронте ради своих детей, ради своих жён и матерей! – мама почти визжала, захлёбываясь от рыданий. – Ты можешь себе представить хоть на минуточку, что те раненные бойцы, которых мы обслуживали в госпиталях, которые умирали у тебя на глазах от смертельных ран, могли отобрать у своего ребёнка хоть крошку хлеба? Да не то, что у своего, даже у любого беспризорника! Где мешок с мукой? Где бидон с мёдом? Отвечай, что ты молчишь? Да лучше б ты погиб на фронте, гад! По крайней мере, мы бы гордились тобой, была бы светлая память о тебе! Долбанный артист, отсиделся в тылу, брюхо нарастил, брыла до плеч. Ненавижу!

– Хватит, – вдруг раздался хриплый, но совершенно спокойный голос, – Твой пафос меня достал. Прямо Сара Бернар. Я виноват, но думаю, что у меня будет возможность оправдаться. Ты во всём права кроме одного. Не надо бы при Светочке. Теперь уж и не знаю, как она меня, такого подлеца воспримет, – он, наверное, пытался встать, так как зашуршал матрас, и что-то мягкое брякнулось об пол. – Я сейчас уйду. Поцелуй её от меня.

– Иди, иди, и чтоб глаза мои тебя больше не видели. Завтра же подаю на развод. О ребёнке забудь.

Хлопнула дверь, он ушёл. Я открыла глаза. Мама стояла, облокотившись о подоконник и тихо плакала. Я подошла и обняла её колени.

– Ну и пусть идёт, он нам не нужен. Приедет Бабуня, я ей всё расскажу, она ему даст прикурить!

МЫ КВАРТИРАНТЫ

Яркий солнечный день. Мы с мамой на знакомой подводе с вещами едем из театра на квартиру. Подвода остановилась на тенистой узкой улочке у небольшого одноэтажного дома. Открылись ворота и мы заехали во двор. Из дома на широкое крыльцо вышла пожилая женщина.

– Вы Лидия Аксентьевна? – спросила мама, – Я тоже Лидия, только Петровна. Мы ваши квартиранты.

– Вот и хорошо, добро пожаловать, я вас жду. Проходите в хату. А малёнку квартирантку як звать?

– Я не кватиранка, я Света, а Бабуня меня называет Ветуна, – смущаясь, ответила я тёте.

– Квартирантка, самая настоящая. А где ж твоя Бабуня?

– Она едет в поезде. Скоро приедет, – как-то неуверенно ответила я тёте – прошло уже много времени, а Бабуня никак не доедет.

– Какие у тебя симпатичные ямочки на щёчках. А кто ж тебя так обчекрыжил? – спросила тётя, погладив меня по голове.

– Бабуня, чтоб воши не заводились.

Наша комната мне сразу понравилась. Большая и светлая. У стены между двух окон стоял огромный стол, покрытый зелёной бархатной скатертью. Справа от стола – кожаный диван с

высокой спинкой, украшенной белой кружевной салфеткой. А у стенки слева стояла небольшая кровать, застеленная голубым покрывалом. У самой двери слева я увидела маленькую чугунную печку на кривых ножках. Конечно, я не знала, что это такое. А Лидия Аксентьевна, объяснила маме, что это «буржуйка», старинная печка, но работает прекрасно, на ней можно готовить пищу и зимой обогревать комнату. Нужно только запастись дровами. Из печки торчала железная труба, верхним концом упираясь в стену почти под потолком.

В тот же вечер мама на «буржуйке» приготовила очень вкусные картофельные оладушки.

По утрам, как только мы просыпались, мама начинала петь свои гаммы. Мне эти гаммы не нравились, и я с нетерпением ждала её ухода на репетицию. По вечерам мама тоже уходила на репетицию. Я оставалась одна. Дверь она запирала на ключ. Всё утро и весь вечер я сидела на подоконнике и смотрела в окно, изучая двор. Он всегда был пуст. Слева от окна – закрытая калитка. Я смотрела на эту калитку в надежде, что сейчас она откроется и в проёме покажется моя Бабуня. Устав от бесконечного ожидания, я слезла с подоконника и бесцельно бродила по комнате. В доме царила ватная тишина. Хозяйка уходила на работу очень рано. Дом издавал какие-то звуки: тихие вздохи, шёпот, невнятное бормотание, скрип половиц. Казалось, что в доме есть ещё кто-то, там за дверью, которая находится в конце длинного тёмного коридора. Что этот «кто-то» догадывается о моём одиноком существовании и скоро, вот-вот, сейчас постучит в дверь. Моё маленькое детское сердечко громко стучало и выпрыгивало из груди. Я залезла в мою кровать, укрывалась одеялом с головой и замирала от страха.

Однажды Лидия Аксентьевна принесла мне большой деревянный ящик с игрушками и стопку старых, замусоленных детских книжек. Сказала, что нашла это «богатство» на чердаке. Оно принадлежало её дочери Жанне, которая сейчас гостит у своей бабушки в деревне. Книжки были с картинками, и я целыми днями, сидя на диване, с интересом разглядывала их. Раньше я никогда не видела детских книжек. А Бабуня не знала детских сказок. Только на ночь вместо колыбельной она тихонько, нараспев мурлыкала мне «Козу-дерезу» и «Сороку-воровку». Поэтому я, разглядывая цветные картинки, сама придумывала истории, которые диктовала мне моя небогатая фантазия. А вот в ящике было, действительно, настоящее богатство. Среди мишек, зайцев, утят, ёжиков я нашла большую и красивую куклу. Даже сейчас, закрывая глаза, вижу её – золотые локоны, белое фарфоровое лицо с яркими розовыми щёчками, голубые глаза с длинными чёрными ресницами. На ней бледно сиреневое кружевное платье с пышными рукавами и широкой юбкой, под которой находилось ещё множество шёлковых юбочек и розовые трусики с рюшами. Ножки обуты в лаковые фиолетовые туфельки на каблучках. А ручки, что за чудо – каждый ноготок был покрашен ярко розовым лаком. Я не играла с ней, я ею любовалась, сажала её на подушку и разговаривала с ней, говорила ей самые ласковые слова, которые знала, которые говорила мне Бабуня перед сном: «Ты ж моя рыбочка, ты ж моя цапачка, ты ж моё сонёчко, моя красуня. Вот выгоним немца, и будет наша победа! Мы с тобой пойдём на Соборную площадь кататься на качелях. А в хорошую погоду поедем на лиман, будем собирать мидии. А грязью не будем мазаться, бо у тебя царское платьечко и оно замажется. Мы лучше пойдём на Дерибасовскую в Городской сад, будем кушать мороженое и задаваться перед людьми. Все будут завидывать, какая у меня красивая донечка Тамила». Я назвала куклу Тамиллой, она была похожа на Нилку из нашего двора. А Нилкина бабушка называла её Тамиллой, это было её полное имя. До сих пор у меня хранится старая поблекшая фотография, на которой мы с Нилкой изображали жениха и невесту. Это было сразу после освобождения Одессы. По дворам стали ходить парикмахеры, лоточники с пирожками, точильщики ножей и ножниц, скрипачи и распеваящие песни об Одессе баянисты. Ходили бабы с разным тряпьем, мужики, предлагающие свои услуги по ремонту квартир. Больше всех мы любили фокусников и акробатов. Как-то утром во дворе раздался крик мужика: "Спешите навсегда запечатать момент вашей жизни! Качественное фото! Недорого и быстро! Оплата по получению снимка!" Нилкина бабушка на скорую руку соорудила нам смешные наряды. На

моей голове была накручена чалма из белого вафельного полотенца, надето тёмно-синее длинное платье до пят, с матросским воротником, скелетное между ног булавкой так, что получились мужские штаны. На талии брезентовый ремень с морской бляхой. Словом из меня получился, как сказала Нилкина бабушка, моряк-индус. А Нилку она нарядила невестой. В дело пошли тюлевые оконные занавески – длинная прозрачная юбка в пол, накидка на плечи, а главное – широкая фата с веночком из розовых бумажных цветов. К груди Нилка прижимала букет из бумажных роз. Кто-то умудрился вытащить из букета одну розу на проволочке и вдеть её в петлицу моего матросского воротника. Мы стоим на фоне стены, заросшей диким виноградом, и улыбаемся. Помню, что я улыбалась сквозь слёзы – мне не хотелось быть индусом, мне очень хотелось быть невестой. И что я утварила? Пока фотограф возился с фотоаппаратом, а Нилкина бабушка отошла на минутку, я незаметно расстегнула булавку, чтоб получилась юбка. А ремень перетянула бляхой на спину. В детстве я не любила этот снимок и никому не показывала. А сейчас кажется, что дорожке этой фотографии у меня ничего нет. Так вот, кукла Тамила очень была похожа на мою подружку Нилку с этой фотографии. А самое удивительное – Тамила говорила слово "ма-ма". И закрывала глазки. Стоило только её наклонить и выпрямить.

ПАУК

Мама иногда выпускала меня во двор погулять. Подышать воздухом. Это бывало, когда она приходила домой после утренней репетиции. Мы обедали, потом она ложилась учить роль, а я убегала во двор. Как я теперь понимаю, двор был маленький, а тогда он казался мне большим и просторным. Он весь зарос высоким бурьяном, а вдоль забора кустилась сирень. Она уже отцвела, но очень привлекала меня. Среди густой листвы всегда чирикали воробышки, прыгая с ветки на ветку. Я часами могла сидеть под кустом и наблюдать их птичью возню. Двор был огорожен невысоким забором, в щели которого виден соседний двор. Оттуда иногда доносились детские голоса, смех, визги. Но из-за высокой травы никого не было видно.

Лидия Аксентьевна возвращалась домой поздно. Она работала в педагогическом институте. После освобождения Украины нужно было с "утра до вечера трудиться, чтоб осенью начались полноценные занятия для студентов". Я была единственной и полноправной хозяйкой двора. А когда мама, отдохнув, уходила на вечернюю репетицию и запирала меня, я опять оставалась одна. Конечно, и во дворе я была одна, но там время проходило незаметно и интересно. А в запертой комнате я остро ощущала одиночество и медленно текущее время. Я не роптала, так как мама каждый раз объясняла мне, что через месяц должен "во что бы то ни стало открыться театр", что нужно много и "продуктивно" работать "и репетировать". Эти слова действовали на меня магически, хоть я не понимала их значения. До наступления сумерек я могла вновь и вновь разглядывать книжки, возиться с игрушками, разговаривать с Тамилкой. Но, когда в комнате становилось темно, я забиралась под одеяло, и ко мне приходил *страх*. Я боялась, что мама заработается и не придёт, что Бабуня попадёт под поезд, и я её больше не увижу. Даже закрывать глаза страшно. Казалось, кто-то незаметно подкрадётся, схватит меня и утащит в холодные, тёмные катакомбы. Я изо всех сил таращила глаза в угол потолка и старалась не мигать. Как-то днём я увидела в этом углу паутину, а в ней кто-то шевелился. Мама объяснила мне, что там живёт паучок, что он не кусается и совершенно безвреден, пусть себе живёт. Я иногда становилась в кровати на цыпочки, пытаясь лучше разглядеть его, но он, чувствуя мой взгляд, превращался в маленький чёрный комочек и замирал. А паутина после этого ещё долго дрожала. Я почти полюбила одинокого паучка, понимала, что он, кроме меня, единственное живое существо в комнате, запертой на ключ. И вот однажды, когда в комнате стемнело, я, как обычно залезла под одеяло, дрожа от страха, и стала смотреть, не мигая в угол, где жил мой паучок. Вдруг там, в углу растеклось большое бледное пятно, а в нём, сияющая серебристым светом, ажурная паутина. В центре паутины мигала маленькая чёрная точка, которая стремительно разрасталась и вскоре превратилась в большого паука. Я даже смогла разглядеть его:

мордочку с блестящими чёрными глазками, пузико, как шарик, множество пушистых лапок, цепляющихся за нити паутины. Паутина вздрагивала. Казалось, что паук вот-вот оторвётся от своей паутины и упадёт мне на лицо. Я лежала в оцепенении, глядя на паука. Вдруг он резко задёргался из стороны в сторону, будто хотел оторваться от паутины. Паутина не отпускала его. Тогда он стал кружиться вправо. Сначала медленно, рывками, потом быстрее, ещё быстрее, ещё, ещё... Моё сердце в такт рывкам билось о грудную клетку, пытаюсь выпрыгнуть наружу. Наконец паук снова превратился в маленькую чёрную точку. Паутина перестала светиться и угол погас. Моё сердце замерло. Меня не стало.

Утром я попросила маму убить паука. А она объяснила, что убивать пауков нельзя – плохая примета.

С тех пор каждый вечер, как только стемнеет, я с ужасом наблюдала танцы паука. Но картина каждый раз менялась. Паук то увеличивался, то уменьшался. А паутина всё больше и больше разрасталась и, опускаясь, приближалась ко мне. И вот наступил момент, когда паутина, охватив всё пространство угла вплоть до подоконника, опустилась прямо перед моим лицом. Я крепко стиснула веки, мне хотелось протянуть руки и разорвать сияющую надо мной паутину. Но холод сковал руки, ноги, живот. Осмелившись, приоткрыла глаза. Передо мной, у самого носа, висел паук, смотрел мне прямо в лицо и подмигивал одним глазом. Я заорала каким-то утробным голосом. Орала долго. Пришла в себя от громкого стука в дверь и крика Лидии Аксентьевны:

– Светочка, что случилось?! Открой! Открой дверь!

Я открыла глаза. Было темно. Паутина и паук исчезли. Только дверь ходила ходуном, и Лидия Аксентьевна продолжала звать меня испуганным голосом.

Спрыгнув с кровати, я подбежала к двери и стала кричать в замочную скважину:

– Каравул! Каравул! Заберите меня, я больше не буду тут ночевать! Я боюсь его!

– Успокойся, Светочка, – голос Лидии Аксентьевны звучал ласково, но властно и я стала сдерживать свой крик. – Подожди, я сейчас тебя открою, у меня есть запасной ключ, сейчас я его найду и открою дверь.

Её шаги удалились, а я грудью прижалась к двери, боясь оглянуться в комнату. Наконец я оказалась в объятиях хозяйки.

– Ой, да ты сидишь в полной темноте! – удивилась Лидия Аксентьевна, – Ну успокойся. Пойдём ко мне, и ты расскажешь, что тебя так напугало.

Она взяла меня на руки и понесла по тёмному коридору к себе в комнату. Тут было светло, горели две керосиновые лампы, одна посередине большого круглого стола, другая на тумбочке у кровати. Уложив меня на кровать, она гладила мой лобик, плечи, грудь и приговаривала:

– Всё, всё, Светочка, ты со мной, ничего не бойся. Рассказывай, кого ты так испугалась.

– Т-там в углу паук, он смотрел на меня, он хотел меня забрать, пок-кусать! Он т-такой большой, с-с волосатыми лапами.

– Паук? Большой? Разве они бывают большие? Паучки в доме это хорошо. Они кусают только мух. Поэтому они даже полезны. На вот тебе книжку, посмотри картинки. А я налью тебе чайку, пока он не остыл.

Лидия Аксентьевна подошла к столу, стала наливать чай в красивую чашку с розочками, а я взяла книжку, которая лежала тут же на тумбочке. В ней были смешные картинки. Разглядывая их, я постепенно успокаивалась, и даже стала хихикать. Особенно меня рассмешил человечек с деревянными ногами-палками, палки упирались в огромные блестящие галоши. Человечек шагал по луже, брызги летели в разные стороны, а сам он смеялся, раскрыв рот. Косые чёрные полосы по рисунку изображали дождь.

– Пришла в себя? Больше не страшно? Ну-ка, что тебя так рассмешило? – Лидия Аксентьевна поставила на тумбочку чашку и блюдо с пряниками, заглянула в книжку, – А-а, "Окна Роста"? Это плакаты Маяковского. Галоши рекламировал.

Не поняв ни единого слова, я спросила:

– А кто он? Почему у него деревянные ноги? Он инвалид? Ему немцы ноги отстрелили?

– Нет. Это просто реклама. А нарисовал её Маяковский – наш великий поэт.

– А что такое поэт?

– Не что, а кто. Это такой талантливый человек, который пишет стихи. Вот видишь, под рисунком стишок напечатан? « Дождик, дождь – впустую льёшь, я не выйду без галош. С помощью резинок мне везде сухое место». А ты знаешь какие-нибудь стихи?

– Знаю. Мы во дворе всегда кричим стихи.

– Кричите? Это же какие?

И я закричала:

– На златом крыльце сидели

Царь-царевич, король-королевич,

Сапожник, портной.

Кто ты будешь такой?

– Это не стихи, Светочка. Это считалки. Они тоже сочиняются в рифму. Как-нибудь я почитаю тебе настоящие стихи. Прежде всего, Пушкина. Слыхала о Пушкине?

– Ага, Бабуня говорила, что он, этот Пушкин, всегда стоит у нас на Приморском бульваре. Только я с ним незнакома.

– Ну, так я тебя как-нибудь с ним познакомлю, – засмеялась Лидия Аксентьевна.

– Он шо, здесь живёт, в Кировограде? – удивилась я.

– Он, Светочка, давным-давно умер. Но при жизни бывал тут.

– А как же мы с ним познакомимся, раз он умер?

– Я познакомлю тебя с его стихами, с его сказками, с его поэмами. Это даже больше, чем знать человека лично.

– Лида Акс... Аксе...

– Можешь называть меня тётя Лида. Это студенты должны обращаться ко мне по отчеству. А мы с тобой соседки, знакомы уже целый месяц, так что давай попроще. Лады?

Я пила сладкий ароматный чай с пряниками. Несмотря на поздний вечер в комнате было светло и уютно. Пахло мятой и ромашкой. Бабуня тоже заваривала такой чай. Тётя Лида говорила со мной, как будто я уже совсем взрослый человек.

Утром проснулась в своей кровати и первым делом посмотрела в угол, где жил паук. Угол был пуст, ни паутины, ни паука. Мама жарила картошку на буржуйке. Почувствовав, что я проснулась, бросилась ко мне, прижала к своей груди, расцеловала, потом взяла мою мордочку в ладони и ласково посмотрела мне в глаза.

– Ветунечка, родненькая моя курнопелечка, прости свою мамку, дурёху несчастную. Я никогда больше не оставлю тебя одну в темноте. Буду каждый вечер брать тебя с собой на работу в театр, на репетицию. А паутину я выбросила во двор. Обмотала веник тряпкой и сняла с потолка. Нет больше паука, нет, ты понимаешь, нет! И запирать на ключ не буду. Ведь ты уже взрослая, моя донечка маленькая. Ну, скажи, что ты меня прощаешь! Прощаешь, да? – её красивое лицо сморщилось и покраснело.

– А ты уезжаешь что ли? Прощаются, когда уезжают надолго.

– Нет, нет. Куда ж я от тебя уеду? Прощать, значит больше не обижаться. Скажи, что ты на меня не обижаешься.

Я молчала. Думала, глядя на маму. И вроде совсем не обижалась на неё. Но, наверное, обида всё же пряталась во мне, где-то глубоко-глубоко, а мама своим взглядом взяла и выта-

пила из меня эту затаённую обиду. Облегчённо вздохнув, я нашла её мизинец, зацепила своим мизинцем и торжественно произнесла:

– Мири, мири навсегда, кто поссорится – свинья! А ещё я знаю стих! Дождик, дождь! Впустую льёшь, я не выйду без галош! С помощью *резинки треска* мне везде сухое место!

– Значит, когда трещат резинки, то получается сухое место? – засмеялась мама.

– Ну, наверно. Так сочинил поэт. Он нарисовал дождик и смешного дядю. У дяди ноги-деревяшки, засунутые в блестящие галоши. Ноги у него трещат, а галоши резиновые. Он бежит по лужам и смеётся. Ты не знаешь, это у тёти Лиды в книжке, она сама мне прочитала.

– А-а, теперь понятно. Ветуня, у тебя, оказывается, хорошая память, – мама как-то по-новому посмотрела на меня. – Значит, будем учить стихи и читать сказки. Только я думаю, что там написано не "резинки треска", а "Резино-трес-та". Это такой завод, который делает галоши. А сейчас давай быстренько умоемся, позавтракаем и на работу.

– В театр? Я боюсь, там жутко и пьяный Жорж.

– Ну что ты, Веточка, там сейчас всё по-другому. Светло, чисто, много людей и Жорж совершенно трезвый.

– Он мне уже не папа?

– Запомни, Ветуня, он всегда будет твоим папой. Только мы с ним жить не будем. Если он подойдёт к тебе, заговорит с тобой, можешь с ним общаться. Я тебе разрешаю. Конечно, если захочешь.

ТЕАТР

И началась другая жизнь. Мама завязала на моей макушке розовый атласный бант, надела на меня синий сарафан с крылышками и новые сандалики, которые застёгивались на блестящие пуговички. Сказала, что я теперь похожа на красивую девочку, а была пацан-пацаном. По дороге в театр она предупредила меня, что нужно вести себя культурно, не разговаривать во время репетиции, не бегать по театру и не ковырять в носу

Когда мы подошли к театру, я очень заволновалась. Сердце билось так сильно и громко, вот-вот выскочит из груди и разорвётся на мелкие кусочки. Я изо всех сил стиснула мамину руку и попятилась назад.

– Ну не волнуйся, Ветуня, там тебя никто не укусит. Пошли, а то я опоздаю, – и мама подтолкнула меня к двери проходной.

Проходная театра теперь выглядела совсем не так как в ту ночь, когда мы приехали на телеге. Сторожа в тулупе не было, а на месте его топчана стоял длинный стол. За столом сидела женщина в красивом зелёном платье. И причёска – просто загляденье!

– Доброе утро, – приветливо сказала она, – Лидочка, так это и есть ваша дочурка? Какая прелесть! Как же тебя зовут, лапочка?

Я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам, опустила глаза и не могла произнести своё имя.

– Не стесняйся, отвечай, когда тебя спрашивают, – опять подтолкнула меня мама.

– Света, – едва слышно произнесла я, потом подняла голову и, глядя тётке в глаза, громко выкрикнула, – А Бабуня называет меня Ветуня!

– Ишь ты, как декламирует! Будет артисткой, это точно, – рассмеялась тётя, – А меня зовут Лизавета, будем знакомы.

– Ага, будем, – ответила я и улыбнулась своей новой знакомой, она мне понравилась.

– Лидочка, если хотите, пусть Светочка останется со мной.

– Спасибо, Лизавета, может потом, а сейчас я хочу познакомить её со всеми.

– Тогда скорей идите, а то Ветров уже на месте, чего-то он хмурый сегодня. Свет ставит с утра.

Мы с мамой прошли уже знакомым мне коридором на сцену. Сейчас сцена сияла ярким светом, я даже прищурилась и остановилась, схватившись за огромную тряпку, которая свисала от самого потолка до пола.

– Не трогай кулису, она пыльная, испачкаешь ручки и сарафан. Пошли в гримёрку, я буду гримироваться, а ты тихо посидишь, – мама выглянула из-за кулисы на сцену и с кем-то поздоровалась. Потом вдруг вытолкнула меня на сцену. Я выпустила из рук кулису и оказалась в симпатичном дворике, ограждённом тыном, вдоль которого росли высокие ярко-жёлтые подсолнухи. Прямо передо мной стояла беленькая хатка с крыльцом и двумя окошками. На соломенной крыше торчала белая труба, на трубе нарисован кукарекающий петух. Под окошками стояла широкая скамейка, на ней лежало вышитое полотенце, край полотенца прикрывал круглый каравай хлеба. Хлеб аппетитно блестел. Мне захотелось отломить кусочек и попробовать. Я направилась к скамейке.

– Чей ребёнок ходит по сцене? Вы что, с ума сошли?– услышала я грубый мужской голос откуда-то справа. Я обернулась на голос, и вдруг меня ослепило ярким светом, несколько солнц светили на меня из чёрной пустоты. Я зажмурила глаза и присела на корточки.

– Уберите ребёнка, опускаем задник! – кричал злой голос из темноты, – не хватало нам трупов на сцене!

Кто-то подхватил меня на руки и потащил в сторону, за хатку, и я очутилась на руках у мамы. Она унесла меня в тот красный уголок, где мы провели свою первую ночь в этом городе.

Красный уголок тоже преобразился, как и всё в этом волшебном доме под названием театр. Теперь эта комната называлась гримёркой. Слева и справа стояли столики с зеркалами, над ними горели яркие лампочки. За столиками сидели молодые хорошенькие тётеньки. На их головах красовались веночки из ярких цветов, а от веночков спадали на спину разноцветные ленты. Глядя в свои зеркала, тетеньки мазали лица розовой краской и пели песню. Голоса звучали высоко и нежно. Я узнала песню и вспомнила, как по вечерам мне пела её моя Бабуня: "Мисяць на нэби, зироньки сяють, тыхо по морю човэн пливэ". Мама села за свободный столик и, глядя на себя в зеркало, сказала:

– Ну вот, дивчата, знакомьтесь, это моя доця.

Я стояла посреди комнаты, ковыряя пол носком сандалика.

– Мама родная! Яка гарна девочка. Ну, покажись! Копия Жорж... Сколько ж ей лет?

Дивчата вскочили со своих мест, тискали меня, осматривали со всех сторон, щупали, гладили по голове, щебетали, как стая весёлых птиц, громко восхищались мной. Я как истукан стояла посреди комнаты, улыбалась и что-то бормотала себе под нос.

– Я Полина, – назвала себя круглолицая, с огромными глазами тётя и протянула мне петушка – красный леденец на палочке.

Другая тётя, назвав себя Надей, угостила меня розовым глазированным пряником. Кто-то сунул в карман сарафана несколько конфет в разноцветных фантиках.

– Шо тут за гам, а драки нет? – раздался строгий голос, и в комнату вошла высокая худющая женщина. – Это кто ж тут создаёт обстановку? – спросила она, с подозрением оглядывая меня с ног до головы.

– Познакомьтесь, Галина, это моя дочь Светлана. Извините, пришлось взять с собой, не на кого оставить.

– Так это она вышла на сцену? Ветров с утра у своём психозе, всё ему не так. Лидочка, давай я её в ложу отведу, нехай там тихонько сидит.

Галина крепко схватила меня за руку и вывела из гримёрки.

– Минут через пятнадцать дам третий звонок. Шоб все были готовы, не опаздывать мне! – захлопнула дверь и мы вышли в коридор.

Мы шли тёмными, едва освещёнными коридорами. Спустились по крутым ступенькам в тёмный подвал, потом поднялись по таким же ступенькам и оказались перед небольшой,

обшарпанной дверью. Галина толкнула дверь, и я ахнула. Передо мной открылось огромное пространство, уходящее куда-то в темноту. Справа вдоль стен светились высокие окна, завешанные белыми шёлковыми занавесками, по бокам которых висели красные бархатные шторы. Слева, вдоль красной стены я увидела множество небольших белых дверей, с блестящими ручками.

– Это фойе, – шёпотом сказала Галина, – Я отведу тебя в ложу подальше, чтоб не увидел Ветров.

Мы прошли мимо нескольких дверей и остановились. Галина взялась за ручку очередной двери, тихонько нажала и дверь с тихим скрипом открылась.

– Садись на стул и чтоб тихо, як мышка. Не перехилийся за ложу. Когда кончится прогон, мама заберёт тебя. Ясно?

– Ясно, – прошептала я.

Галина исчезла. А я стала осматривать помещение, в котором очутилась. Это была маленькая комнатка, ограждённая невысокими стенками. В два ряда стояли стулья. Протиснувшись между стульями, я тихонечко уселась на стул, стоящий ближе к передней стенке, которая заканчивалась у моего подбородка. Положив подбородок на бархатную обивку, я заглянула в тёмную пустоту. Внезапно раздался громкий мужской крик:

– Тишина! Внимание, начинаем! Свет в зал!

Высоко надо мной постепенно стало что-то разгораться и превращаться в огромный сверкающий шар из множества лампочек. Этот шар осветил сказочное пространство, обрамлённое длинными полукруглыми балконами, висящими друг над другом. Я сразу вспомнила балконы нашего одесского двора. Но эти балконы сияли белизной, на которой выпукло выделялись золотые гроздья винограда и золотые птицы на длинных тонких ногах, с длинными клювами. Облокотившись о переднюю стенку, обтянутую красным бархатом, я опустила взгляд. Подо мной расстелилось белое поле. Приглядевшись, я поняла, что это ряды сидений, покрытые белыми длинными простынями. Кое-где простыни были приподняты и под ними виднелись красные бархатные кресла. И совсем я пришла в неописуемый восторг, когда повернула голову налево. Там с высоченного потолка ниспадала вниз широкими складками красная, блестящая золотым узором по низу, занавеска необъятных размеров. С боков на занавеску были направлены лучи яркого света.

– Свет медленно убираем, – снова раздался мужской голос, и шар надо мной стал медленно тускнеть. Занавеска оставалась ярко освещённой. – Увертюра! – торжественно произнёс мужской голос.

И через мгновение я услышала громкий всплеск звуков, донёсшихся из ямы, которую я тут же обнаружила перед занавеской. Среди громких, пугающих меня звуков стала просачиваться нежная знакомая мне мелодия, она будто боролась, будто гасила своими слабыми силами грубые резкие звуки, которые не хотели пускать нежность в своё пространство. Через некоторое время резкость стала ослабевать, а нежность набирать силу. В конце концов, знакомая нежная мелодия победила. Занавеска стала медленно раздвигаться в стороны, и за ней показался тот дворик, на который я недавно выскочила из-за кулисы. Там на скамейке рядочком сидели мамы соседки по гримёрке и задумчиво пели. Только теперь на них были разноцветные наряды. Таких нарядов в жизни я ни на ком не видела, и подумала, что на сцене девушки играют "в сказку". Когда они спели свою песню, во двор выбежали весёлые хлопцы в красных и синих шароварах, каждый со смехом схватил по девушке и утащил за ворота. При этом девушки махали руками, сопротивлялись, верещали, смеялись. Когда все исчезли, дверь домика открылась и на пороге появилась моя мама. На ней тоже, как и на девушках, была нарядная одежда и веночек с лентами. В одной руке у неё было коромысло, а другой рукой держала за дужки два пустых ведра. Только она открыла рот, чтоб что-то сказать, раздался громкий голос того же дядьки, который кричал до этого:

– Нет, нет, не так, Лида! Сколько можно говорить, она сначала только нос высунула, убедилась, что нет никого, и только потом вышла на крыльцо.

– Вы не говорили этого! Она же в окно наблюдала, как гуляют её подружки, зачем ей нос высовывать? Она уже знает, что все разбежались, значит можно идти, никто не увидит.

– А ария? Нужно же дать паузочку для вступления. Твой нос и будет репликой для оркестра. Значит, высунулась, проверила – никого. Зайди за тын, прислонись к нему. Это всё, Лида на вступлении оркестра, тут как раз мы поднимем луну и ты, глядя на небо, вступишь в свою арию. И пойдут "Виють витры".

Я не понимала, о чём они спорят, почему мама должна высунуть нос, что такое ария, и как в неё вступить, ногой что ли. Пыталась понять неизвестные слова своим катакомбным воображением. Сама придумывала им смысл и сама же его не понимала. Вступать должна армия в освобождённый город, а тут никакой войны нет. Про "арию" я поняла потом сама, когда мама запела грустным голосом песню "Виють витры". Значит "ария" – песня о любимом, который где-то далеко – догадалась я. Когда ария кончилась, на сцену вышел дядя с пышными усами и стал говорить маме, то есть Наталке, что она красивая, и он хочет с ней пожениться. Наталка, нахмурилась и сказала ему, что жить с «нэлюбом» она не хочет. Я тоже не хотела, чтоб моя мама поженилась с этим дядей, хоть она и называла его паном.

Когда пан ушёл, мама опять запела арию, но ещё более грустную. "Що зи мною будэ?" – пела Наталка, а мне казалось, что это мама своей песней кому-то жалуется на свою несчастную жизнь. Хотелось дослушать мамину жалобу до конца, но дядька из зала всё время хлопал в ладоши и громко орал:

– Стоп! Не туда смотришь, Лида! Смотри в зал, прямо на меня, чтоб зритель участвовал, переживал вместе с тобой! Со-пе – ре – жи-вал!

Нестерпимо, до изнеможения хотелось продолжения захватившей меня печальной сказки, а невидимый, требовательный мужской голос из темноты всё время останавливал маму и заставлял начинать сначала. Наконец я увидела его, когда в очередной раз вспыхнул свет в зале, и всё должно было снова повториться. Это был полный пожилой дядечка в белом измятом, полотняном костюме и голубой рубашке. Он стоял у той ямы, откуда доносилась музыка, и смотрел на сцену. Потом, захлопав в ладоши, быстро побежал в конец зала и заорал:

– Сначала!

Я не дождалась продолжения сказки. Когда в ложу за мной пришла мама, я крепко спала на двух стульях, устроившись на них с ногами.

– Слава богу, нашлась, – тормошила меня мама, – я уж думала, что ты пошла на улицу.

С того дня мама каждый день брала меня в театр на репетиции. Я во многом стала разбираться, понимать, что происходит на сцене совсем не сказка, а пьеса под названием "Наталка-Полтавка". После той первой репетиции мама задавала мне много вопросов, на которые я затруднялась отвечать, так как ничего не поняла. Мне не нравилось, что мама переживает о каком-то незнакомом человеке. Что дядька из зала кричал на неё и заставлял всё начинать сначала. Мама объяснила мне, что дядя, который кричал – режиссёр, что артисты должны слушаться его и выполнять все его требования. Вроде как начальник над артистами. А я не хотела этого понимать и почти со слезами доказывала ей, что в жизни так не бывает, чтоб опять и опять всё повторялось в точности, как в первый раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.